Стильная жизнь

Автор:
Анна Берсенева

Стильная жизнь

Анна Берсенева

Дилогия «Стильная жизнь» #1

Девятнадцатилетняя Аля Девятаева мечтает стать актрисой. И это не пустые грезы: Аля действительно талантлива и незаурядна, ей не хочется утонуть в обыденности. Неожиданно для себя Аля оказывается в самом центре московской стильной жизни с ее презентациями, фуршетами, перформансами… Ей предстоит нелегкое испытание «сладкой жизнью», прежде чем она найдет свое настоящее призвание…

Анна Берсенева

Стильная жизнь

Часть первая

Глава 1

«В тот же день 26 января туманная завеса, дотоле застилавшая от меня будущее, спала, и я почувствовала, что рождена для славы».

Аля вздохнула и захлопнула книгу. Фотография на обложке не оставляла надежды даже на внешнее сходство. Разве что худоба – это уж точно совпадает. Ключицы, как у Сары Бернар! Есть чему порадоваться…

Не вставая, она поводила ногой по ковру у кровати, но тапки не нашла: наверное, забыла у себя в комнате, перебираясь утром с книгой в родительскую спальню. Але нравилось именно здесь читать по утрам, ощущая босыми пятками прохладу шелкового покрывала. Можно было представлять себя кем угодно – хоть великой Сарой Бернар, хоть принцессой Турандот. Особенно если надеть мамин кремовый пеньюар с гипюровым кружевом и не обращать внимания на то, что кое-где кружево аккуратно подштопано прозрачными нитками, выдернутыми из колготок.

Пеньюар этот был почти семейной реликвией – настоящий, югославский. Настоящий – в том смысле, что куплен он был в самой Югославии, которая десять лет назад считалась почти западной и почти капиталистической. Во всяком случае, Инну Геннадьевну категорически отказались выпустить в турпоездку вместе с мужем.

Это было предметом долгих и возмущенных домашних воспоминаний.

– Вот в этом и был весь бред, вся бессмыслица нашей жизни! – восклицала мама даже теперь, спустя столько лет. – Мало им было этих характеристик бесчисленных, этих собраний! Одних протоколов сколько я им принесла… Нет: с мужем нельзя, только поодиночке. Я ей объясняю, этой идиотке: мы не собираемся эмигрировать и даже оставляем вам дочь в качестве заложницы! А она смотрит на меня, как будто я не детский врач, а агент ЦРУ, и без зазрения совести заявляет: малолетнюю дочь вам обязаны будут выдать через Красный Крест, и вы это прекрасно знаете. Бред, больше ничего, даже вспоминать противно!

Так что пеньюар, пожалуй, не должен был навевать приятных воспоминаний. Но он был до того красивый, до того изысканный и смотрелся так необычно – и

раньше, на фоне общего дефицита, и теперь, на фоне турецкого ширпотреба. И Аля совсем не думала о том, что прежняя жизнь ее родителей была бессмыслицей и бредом, – а просто любила облачаться в это одеяние и чувствовать себя необыкновенной, загадочной дамой.

В мамино отсутствие, конечно. Аля давно уже поняла, что с мамой лучше не спорить, особенно по таким фундаментальным вопросам, как разделение одежды на праздничную и повседневную. То есть можно было, конечно, с пеной у рта доказывать, что пеньюар – это просто халат, в котором утром пьют кофе, и нечего его лелеять и холить, надевая только по воскресеньям. Но зачем? Все равно по утрам мама уходит на работу, а Аля остается дома, и можно просто-напросто надеть кремовый пеньюар, забраться на застеленную лиловым шелковым покрывалом родительскую кровать и пить кофе из парадной фарфоровой чашечки, представляя, что читаешь не книжку, а письмо от тайного любовника.

Покрывало, кстати, тоже было югославское и выглядело спустя десять лет почти как новое – конечно, тоже благодаря маминой аккуратности. Если бы Инна Геннадьевна увидела, что Аля валяется на застеленной кровати, да еще с чашкой кофе в руках, возмущению ее уж точно не было бы предела.

– Вот это и свидетельствует о том, что у вашего поколения не осталось никаких жизненных ценностей! – сказала бы она.

– Да ну, мама, при чем здесь ценности, – улыбнулась бы в ответ Аля. – Ну хочешь, в Мавзолей схожу на экскурсию?

– По-моему, я не давала никому оснований подозревать меня в такой глупости, – обиделась бы мама. – Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю! В жизни должен быть порядок, иначе все разрушится. «Есть ценностей незыблемая скала»! Да ведь вы поэзией не интересуетесь… Вот я уверена, ты даже не знаешь, чьи это слова!

– Халат, что ли, – незыблемая ценность? – рассмеялась бы Аля. – Ерунда все это, мамуля! И стихи я читаю, зря ты говоришь.

Аля улыбнулась, представив себе незлобный мамин гнев, поставила на пол чашку с застывшей кофейной гущей и встала наконец с кровати. Рядом стояло

трюмо. Аля мельком глянула сначала на свое отражение, потом на смятое покрывало. И конечно, не удержалась от привычного, с детства любимого занятия: выдумывать невероятные костюмы из всего, что попадалось под руку!

В одно мгновение она сбросила пеньюар и, стянув с кровати покрывало, завернулась в него, как в тогу, – точнее, как в то одеяние, в котором была сфотографирована Сара Бернар на книжной обложке.

В югославские шелка можно было завернуть трех таких, как Аля; она тут же утонула в лиловых волнах. Хотя покрывало давным-давно уже служило материалом для ее театральных фантазий, Аля снова восхитилась тем, как мгновенно преобразился ее облик. Даже острые плечи словно приобрели какой-то новый, почти величественный разворот, выступая из драпирующейся, ткани, даже рука указывала вдаль каким-то особенным, томительным жестом.

Было уже два часа, и нормальные люди об эту пору не валялись с книжкой на кровати и не вертелись перед зеркалом, а стояли у токарного станка, или сидели за компьютером в офисе, или выходили в открытый космос, или производили еще какие-нибудь общеполезные действия. Или хотя бы просили милостыню в подземном переходе, что тоже не очень-то легко, учитывая ноябрьскую слякость и пронизывающий мокрый ветер.

Впрочем, Алю меньше всего интересовало, что делают нормальные люди. Она с детства привыкла делать то, что хотела сама, и за свои неполные девятнадцать лет не раз успела убедиться: не всегда это так уж плохо, даже в глазах окружающих.

К тому же ее рабочий день все-таки должен был начаться, но только через два часа. А до этого надо было перекусить, привести себя в порядок и выяснить, как все-таки строится мудреное сечение пирамиды. Сечения Аля вчера так и не одолела, хотя именно его предстояло сегодня объяснять Наташе Смирновой.

Но насчет задачки она как раз меньше всего беспокоилась: Максим обещал прийти к трем и можно было не сомневаться, что получаса ему хватит на любую геометрическую головоломку.

Меньше всего Аля Девятаева могла предполагать, что когда-нибудь будет давать частные уроки математики. Да она ее терпеть не могла, эту математику, особенно в старших классах! Правду сказать, если бы родителям не дали новую квартиру так скоро и она не перешла бы в одиннадцатом классе в новую школу, выше тройки Аля на выпускном экзамене не получила бы. Но здесь, в Тушино, школа только что открылась, классы были большие, а учителей не хватало, поэтому требования оказались невысокие, не сравнить с теми, что были в старой школе.

Вообще-то родители удивились, когда однажды вечером накануне переезда Аля спокойно заявила, что вовсе не собирается доучиваться в своей прежней школе.

– Почему? – спросил отец, старательно не отрываясь от газеты, что всегда было у него признаком волнения и внимания. – Ездить далеко не хочется? По-моему, это не причина, чтобы так легко бросать класс, в котором проучилась десять лет.

– Не причина, – согласилась Аля. – Только кто тебе сказал, что я так уж этот класс люблю? Да я его, пап, забуду, как только дверь закрою, ни одной минуты о нем не пожалею!

Аля ничуть не кривила душой, признаваясь в полном равнодушии к классу, в котором действительно проучилась десять лет. Мало того, она была уверена, что точно то же самое мог сказать любой ее одноклассник, если бы решился не притворяться.

Может, в каких-нибудь школах и была какая-нибудь неповторимая атмосфера – всякие турклубы, драмкружки, дискотеки и прочие мелкие радости, – но только не у них. У них все было то же самое, что и в любой другой школе: немного скучно, немного стебно, немного завистливо и до оскомины привычно.

Разве что вид на Пятницкую улицу из окна химкабинета… Да и то: вырыли прямо под окнами какой-то котлован с торчащими сваями – вот и вида не стало.

– Все-таки центральная школа… – с сомнением в голосе произнесла мама во время того вечернего разговора.

– Ну и что? – пожала плечами Аля. – Ты же сама говорила, что жизнь должна обновляться.

– Но школьная дружба?.. – привела последний аргумент Инна Геннадьевна. – Неужели тебе не жаль оставлять друзей?

Нет, честное слово, Але часто казалось, что она гораздо старше своих родителей! Во всяком случае, себя она чувствовала совершенно свободной от таких вот книжных представлений о жизни.

– Какая еще дружба, мама? – улыбнулась она. – Где ты последний раз про эту школьную дружбу слышала, в Артеке? Раз есть школа – в ней должна быть школьная дружба! А у нас ее нет и не было никогда, даже в первом классе. Каждый сам по себе и сам за себя. Зачем я буду притворяться? Ты же вот перейдешь себе спокойно в новую поликлинику, почему же мне в новую школу не перейти?

– Куда это я перейду? – возмутилась Инна Геннадьевна. – Никуда я не собираюсь переходить. Я всю жизнь там проработала, да у меня уже второе поколение детей лечится! И коллеги… Нет, милая, не все могут – а главное, не все хотят! – существовать без единой жизненной опоры.

Что на это ответишь? Иногда Аля ловила себя на том, что ей просто жаль своих родителей. Хотя, казалось бы, за что их жалеть? Любящие друг друга люди, ни в чем не обиженные судьбой, при любимой работе, квартиру вот получили новую. Но эта их трогательная уверенность в том, что мир устроен правильно и разумно, что весь он укладывается в ясные очертания…

Но, с другой стороны, Аля просто не могла себе представить, как она жила бы, если бы не было на свете вот этого мира ее родителей – со встречами маминых одноклассников через тридцать лет, и крепким вечерним чаем в папином стакане, и светом лампы над его чертежами…

Аля любила перемены и не боялась расставаться с привычным. Одинаково невозможно было себе представить, чтобы она стала переживать из-за переезда в Тушино, или из-за разбитой вазы, или, как ее родители, из-за того, что развалился Советский Союз. Разбилась – купим новую! Кто сказал, что причудливый осколок хуже целой вазы, которая, правду сказать, успела

поднадоесть? И будем считать, что отдыхали за границей – в Крыму!

Мама, когда сердилась, называла ее за это бесчувственной и напоминала про «незыблемую скалу». А Аля просто считала, что иначе теперь не проживешь: надорвешь душу.

Пожалуй, мир ее дома – это было единственное, чем она действительно дорожила. И не потому, что боялась потерять, а просто так – потому что любила.

Звонок в дверь прервал Алины элегические размышления. Часы на кухне показывали ровно три, и Аля улыбнулась, услышав звонок точно после щелчка большой минутной стрелки. Наверное, Максим специально прогуливался у подъезда, несмотря на мокрый снег, чтобы прийти вовремя.

– Привет, Кляксич! – сказала Аля, распахнув дверь. – Мог бы и на пятнадцать минут раньше войти, раз уж пришел. Вон, голова вся от снега мокрая.

– Могла бы прекратить меня собачьей кличкой называть, – заметил в ответ Максим. – Сколько прошу…

Эти слова Аля пропустила мимо ушей. Она знала, что Максим все равно на нее не обидится. А если и обидится – тоже ничего страшного: такая уж у него планида, у влюбленного.

– Обедать будешь? – поинтересовалась она вместо ответа. – Давно лекции закончились?

– Буду, – кивнул Максим. – Да они еще не закончились, я последнюю пару прогулял.

Он посмотрел на Алю, словно ожидая какой-нибудь реакции на то, что пропустил последнюю пару, потому что она просила его приехать к трем часам. Убедившись, что реакции не последует, Максим отвел глаза.

А глаза у него были красивые! Вернее, даже не глаза, а ресницы, длинные и пушистые, как у девочки. Вообще, внешность у Максима была ничего, вполне:

фигура складная, лицо открытое, и ресницы эти… Разве что уши подкачали: до сих пор торчат в стороны широкими лопушками.

– Ты бы их на ночь сеточкой прижимал, – поддразнила его однажды Аля, и он обиделся так, что кончики ушей покраснели.

Впрочем, Максимова внешность ее мало волновала. Хороший парень, они неплохо смотрятся вместе, даже Нелька заметила. Ну и что? По правде говоря, если бы Аля не видела Максима так часто, то вскоре вообще забыла бы, как он выглядит. Бывают же такие люди: вроде и все при них, а не запоминаются.

«А в самом деле, – подумала Аля. – Вот попросили бы меня его описать – что бы я сказала? Нос прямой, губы… Какие губы? Ровные. Что еще? Да ничего! Ни о чем толком не скажешь. Уши да ресницы».

Но долго размышлять о Максиме было некогда и незачем. Пока он мыл руки, Аля налила в тарелку только что разогретый суп и включила конфорку под сковородкой с котлетами.

– Вкусный суп, – похвалил Максим после первой же ложки.

– Это мама готовит, – усмехнулась Аля. – Фирменный рассольник. А я – кулинарная бездарность, так что можешь обойтись без комплиментов. Сметану почему не положил?

– Давай свою задачку, – вздохнул Максим, разбалтывая в тарелке сметану. – Посмотрю, пока ем, а то потом не успею.

– Успеешь, – покачала головой Аля. – Задачка-то простенькая, за восьмой класс. Поешь спокойно. Тоже мне, Юлий Цезарь нашелся! Поперхнешься и умрешь, кто будет отвечать?

Максим учился на первом курсе автодорожного института, и задачка на сечение не должна была вызвать у него затруднений.

– Слушай, Алька, а почему ты математику взялась преподавать? – поинтересовался он. – Ну, хотя бы литературу, что ли, или историю. Ты ж чуть не

перед каждым уроком ко мне за разъяснениями обращаешься!

– А ты что, утомился разъяснять? – спросила Аля.

– Да нет, конечно. А все-таки – почему?

– Просто так, – пожала плечами Аля. – Что первое подвернулось. И потом, где это ты видел, чтобы по истории репетитора к детям приглашали? Разве что ко вступительным готовиться. Так это уже серьезно заниматься надо, я бы не взялась.

Она говорила чистую правду. Надо же было чем-то заниматься, раз уж год пропал.

А урок у Наташи Смирновой действительно «подвернулся». Просто Аля обнаружила дома не сданный в библиотеку учебник по алгебре, пошла сдавать и увидела на школьной двери объявление о том, что требуется репетитор по математике к ученице восьмого класса.

– Поражаюсь твоей самонадеянности, – сказал тогда отец. – После всего, что ты утворила с поступлением, спокойно браться за репетиторство! Ты считаешь, у тебя достаточно знаний, для того чтобы передавать их другим?

– Может, и недостаточно, – заявила Аля. – Ну и что? Не на завод же идти. Разберусь как-нибудь. Если что, у Максима буду консультироваться.

«И вставать не надо чуть свет», – добавила она про себя.

– Но ведь тебя никто не принуждает устраиваться на работу, – тут же начал оправдываться Андрей Михайлович. – Я вообще считаю: раз уж так получилось, самое лучшее – спокойно подумать о будущем и начать готовиться к следующему году.

– Буду, – немедленно пообещала Аля, чмокнув отца в щеку. – Буду, папа, готовиться в поте лица.

– Несерьезная ты девушка, Александра, – попытался обидеться отец. – Мы с мамой, между прочим, еще не простили твоей дурацкой выходки!

Эти слова Аля пропустила тогда мимо ушей; так же, как теперь – Максимовы обиды на прозвище Кляксич.

– По-моему, что-то горит, – заметил Максим. – Что-то мясное.

– Котлеты! – ахнула Аля. – Все из-за электроплиты, никак не могу привыкнуть, что огня не видно!

– Надо было хоть маргарин положить, – сказал Максим, наблюдая, как Аля щелкает выключателем и поднимает крышку со сковородки. – Это же не микроволновка. И зачем ты их все разогреваешь, я столько все равно не съем.

– Ох и нудный ты человек, Кляксич, – рассердилась Аля. – Разогревал бы сам! Может, я увлеклась беседой с тобой и забыла обо всем на свете?

– Да уж! – усмехнулся тот. – Ты сковородку переставь, конфорка же не сразу остывает.

К счастью, пригорели только те котлеты, что лежали внизу. И конечно, надо было разогревать не все и положить масло. Но ведь об этом надо было подумать специально, а не просто щелкнуть выключателем под сковородкой. А Аля не привыкла задумываться над подобными вещами и вообще считала, что незачем забивать себе голову ерундой. Разогревать же котлеты толково, но без размышлений, у нее просто не получилось бы: она терпеть не могла заниматься хозяйством, так что неоткуда было взяться автоматизму.

– Ты мне нижние положи, – великодушно предложил Максим. – Я съем горелые, и никто ничего не заметит.

– Не болтай глупости, – махнула рукой Аля.

Еще не хватало кормить человека горелыми котлетами, чтобы скрыть свою оплошность!

– Я поел, – сообщил наконец Максим. – Спасибо. Давай задачку, буду отрабатывать обед. Ну, Алька, ты даешь! – поразился он, прочитав условие. – Это ж проще простого! Куда, интересно, смотрят родители твоих учеников?

– За доллар в час? Никуда они не смотрят. Я же не на мехмат их чад готовлю. У меня одни девочки неуспевающие, математику они забудут в тот самый день, как школу закончат, – объяснила Аля. – Как и я, впрочем. Просто надо, чтобы кто-нибудь по дешевке помогал им делать уроки, а нормальный учитель за такие деньги даже по телефону разговаривать не станет. Вот их родители на меня и клюют.

Кроме Наташи Смирновой, у Али почти сразу появилось еще две ученицы – такие же двоечницы из благополучных семей, как Наташа. По два раза в неделю, по доллару в час… Конечно, не бог весть какие деньги набегают в месяц, но все-таки не меньше, чем стипендия в МАДИ. Папа сколько угодно может говорить, что Аля должна не зарабатывать деньги черт знает чем, а готовиться к следующему году, но не хватало еще просить у них деньги на мороженое.

Нет, занятия с бестолковыми девочками вполне ее устраивали!

– Поняла? – спросил Максим, отмечая искомые точки на пирамиде. – Так, а теперь вот так, и во-от такое получается сечение…

– Поняла, – кивнула Аля. – Погоди, не соединяй, дай-ка я сама.

Стоя рядом с Максимом у стола, она взяла у него карандаш и принялась соединять точки, чтобы получилась плоскость. Максимовы пальцы дрогнули, он прикоснулся к карандашу в Алиной руке, как будто хотел поправить чертеж, – и вдруг задержал ее руку в своей.

– Алька… – произнес он почти шепотом. – Я по тебе так скучал…

Не отпуская Алиной руки, он обнял ее за талию, встал, отодвигая табуретку.

Вот это уж точно лишнее! И снова надо будет втолковывать ему, что это лишнее, и чувствовать себя занудой, с умным видом изрекающей, что Волга впадает в Каспийское море…

– Кляксич, миленький, когда это ты успел по мне соскучиться? – как можно беззаботнее спросила Аля. – Мы же с тобой всего три дня не виделись.

– Это очень много…

Максим обнял ее довольно крепко, но Аля сделала одно легкое, ускользающее движение – и его рука повисла в пустоте.

– Как это ты! – невольно восхитился Максим. – Тебя как будто ветром выдуло!

– Это я на бальных танцах научилась, – улыбнулась Аля, обрадовавшись, что он отвлекся.

Максим уже открыл было рот, чтобы что-то сказать, но тут раздался звонок в дверь.

– Кто это? – удивленно спросил он.

– Нелька. Я тебя забыла предупредить, что она придет, – добавила Аля, заметив разочарованное выражение на его лице.

Конечно, она не предупредила его специально! И специально попросила Нельку прийти ровно в половине четвертого.

– Ну выйди ты раз в жизни из дому без опозданий, – сказала она. – Что тебе стоит, в соседний подъезд же только перейти!

– Что, Макс пристает? – хихикнула Нелька в телефонную трубку. – Странная ты, Алька! Неужели все еще поцелуйчиками отделываешься?

– Ты, главное, не опаздывай, – не стала вдаваться в подробности Аля.

Если бы ее разбитная подружка знала, что Алька отделывается даже не поцелуйчиками, а такими вот пластичными вывертами! Какой, в самом деле, смысл встречаться с парнем, если так упорно ускользаешь из его объятий? Но второй вариант был – просто сказать Максиму, чтобы больше не звонил и не появлялся. А этого ей, пожалуй, не хотелось.

Правда, однажды Аля попыталась это сделать.

Это было в самом начале их знакомства. Они с Максимом возвращались с экзамена по алгебре. Вернее, это Максим возвращался с экзамена, а Аля просто просидела полдня в вестибюле МАДИ, в который она, как были уверены родители, поступала.

Максим вышел из аудитории почти спокойный и тут же направился к Але, сидевшей в углу вестибюля на подоконнике.

– Легче было, чем я ожидал, – сказал он, хотя Аля не спрашивала о его впечатлениях. – Зря ты не пошла.

– Ну, это уж мое дело, зря или не зря, – усмехнулась она. – Все уже закончили или ты в первых рядах?

– Почти все. Я – в средних рядах, – ответил он.

– Тогда я пойду, – решила Аля, соскакивая с подоконника. – Примите мои поздравления!

– Да ведь еще неизвестно, может, я неправильно решил, – резонно заметил Максим.

– Известно, известно, – махнула рукой Аля. – Ты разве что-нибудь делаешь неправильно?

Они вышли на Ленинградский проспект и остановились неподалеку от массивной двери автодорожного института. Аля размышляла, отправиться домой прямо сейчас или погулять еще часок для достоверности родительских впечатлений. А Максим ждал, что решит Аля.

– Ждешь кого-то? – спросила наконец она, отвлекшись на минуту от своих раздумий.

– Тебя, – кивнул Максим. – Куда пойдем?

– Ты – куда хочешь, а я еще подумаю.

Слова ее прозвучали резковато, но Максим не обиделся. За время их недолгого знакомства Аля догадалась, что он не обижается на нее потому, что просто не хочет обижаться. И она с удовольствием поигрывала вот так, мимоходом: говорила что-нибудь резкое, а голос при этом звучал дразняще, даже как-то загадочно.

– Ладно, – решила Аля. – Пройдемся, скоротаем часок, успокоим родственников.

Они прошли мимо памятника Тельману у метро «Аэропорт», мимо лотков и киосков, мимо писательского дома с мемориальными досками и свернули к Ленинградскому рынку. Рядом с кинотеатром «Баку» был пруд, обсаженный пыльными деревьями. Наверное, здесь хотели сделать сквер, но он почему-то не получился – хотя и деревья росли, и лавочки стояли, и утки плавали по тусклой воде.

Они сели на лавочку у самой воды. Аля смотрела, как солнечные блики гаснут под тополиным пухом на поверхности пруда, а Максим смотрел на Алю.

– Слушай, – спросил он наконец, не выдержав молчания, – а почему ты все-таки не стала поступать? Все равно ведь уже не успела в свой театральный… Училась бы пока в МАДИ.

Аля тряхнула головой, и замершая было картинка снова ожила в ее глазах.

– Зачем? – пожала она плечами. – Зачем это я буду в МАДИ учиться?

– Ну-у… На всякий случай!

Аля рассмеялась.

– Ох, Кляксич! Да не бывает никакого «всякого случая», понимаешь? Думаешь, мне легко было понять, чего я на самом деле хочу? Да я, может, из-за этого год и пропустила. А теперь буду в твоем дурацком институте всякого случая ждать?

– Я же не настаиваю, – смутился Максим. – Как хочешь, Алька…

– Конечно, как хочу, – согласилась она.

По дороге к пруду Максим купил мороженое, но Аля не ела его, а держала в руке, и белые капли просочились наконец сквозь блестящую обертку.

– Смотри, у тебя все туфли в мороженом, – заметил он. – Погоди, дай-ка я вытру.

Максим достал носовой платок и присел на корточки перед Алей. Она бросила полурастаявшее мороженое под лавочку и рассеянно смотрела, как он вытирает липкие капли с ее бронзового цвета босоножек. Вдруг рука его замерла, потом коснулась Алиной лодыжки в перекрестье узких ремешков… Потом Максим обнял ее ноги и быстро поцеловал куда-то в колено.

Это произошло совершенно неожиданно, но Аля даже не удивилась.

– Ну вот, Кляксич, – сказала она. – Это еще зачем?

Она легонько щелкнула его по лбу, чтобы он отпустил ее ноги, но рука ее при этом задержалась, на мгновение запуталась в его волосах, и жест получился ласковый – как будто она не оттолкнуть его хотела, а удержать. Наверное, Максим почувствовал это: прижался лбом к ее руке.

И Аля тут же отвела руку.

– Почему, Алька? – Максим поднял на нее глаза, и Аля увидела, что они подернуты поволокой. – Я же… Я тебя люблю! – выпалил он.

Конечно, этого он мог и не говорить – и так было понятно. А все-таки приятно было услышать признание в любви!

И вдруг ей стало стыдно… Так стыдно ей было только однажды, в шесть лет, когда они с Нелькой удрали на целый день в парк Горького на аттракционы, и, вернувшись домой уже в темноте, Аля увидела мамины глаза: светло-серые, они стали совершенно черными из-за расширенных от тоски и ужаса зрачков…

Аля даже не поняла сначала, при чем здесь Максим с его признанием. И в глазах его совсем не было ужаса, и вообще – с чего вдруг такой детский стыд?

«Да ведь я сама этого добилась, – вдруг подумала она. – В одну секунду добилась и взгляда этого, и слов – только пальцем шевельнула… Ведь я совсем в него не влюблена, да я о нем даже не думала сейчас, мне вообще не до него было!»

Конечно, это было именно так. Она думала не о Максиме, а о тех бесконечных месяцах, которые отделяли ее от следующего лета, и о том, как же выдержать эту зиму в одиночестве своих фантазий, и мечтаний, и сомнений. И вдруг возникла красивая картинка: застывшая гладь пруда, юноша на коленях перед девушкой – и ей безотчетно захотелось продолжить: признание, влюбленный взгляд…

И так легко оказалось – она ни на секунду не задумалась, чтобы сыграть этот ласкающий жест! Оттого и стыд.

Эта догадка промелькнула в Алиной голове мгновенно.

– Макс, – сказала она, вставая со скамейки, – лучше ты мне больше не звони. Зачем мне тебя обманывать?

– Я не могу… – ответил он, вставая с нею рядом и снова опуская глаза; Аля видела только загнутые концы длинных ресниц. – Я все равно не смогу тебя не видеть…

И стыд постепенно прошел.

«В самом деле, – подумала Аля. – Я ему все сказала, а дальше – дело его. Отчего переживать? Оттого, что мальчик влюбился?»

Тем более что Максим был далеко не первый влюбленный в нее мальчик. Были и одноклассники, и парни постарше, и партнер из танцевальной студии. Если Аля и сомневалась в театральности своей внешности, то уж в своей привлекательности для сверстников ей сомневаться не приходилось. И кокетничать она умела не хуже, чем любая симпатичная девчонка ее возраста.

Даже удивительно, почему это она вдруг так устыдилась какого-то едва заметного движения, которое, в конце концов, вполне можно было считать обыкновенным кокетством!

– Как хочешь, – пожала плечами Аля. – Звони, если нет других радостей.

Во всяком случае, Максим ей не мешал и его общество никогда ее не тяготило. Что ж, если человеку в девятнадцать лет достаточно смотреть на девушку влюбленными глазами… Максима можно было кормить котлетами, просить решить задачку, с ним можно было даже оставаться наедине в пустой квартире, не опасаясь, что он станет слишком докучать своей любовью.

В крайнем случае, можно было сказать Нельке, чтобы не опаздывала.

Нелька и стояла сейчас перед дверью, отряхивая прозрачный японский зонтик, разрисованный золотыми рыбками. Плащ на ней тоже был прозрачно-желтый, «пластмассовый», с ярко-зеленой окантовкой.

Вообще-то внешность у Алиной подружки была самая обыкновенная: волосы какого-то неопределенного, тускловатого цвета, лицо круглое, губки маленькие и пухлые, светло-голубые глаза тоже невелики – в общем, весь набор прелестной невыразительности.

Нелька об этом прекрасно знала и ничуть не комплексовала.

– Подумаешь! – Она мило подергивала плечиком – излюбленный ее жест! – Была бы фигура, а лицо и нарисовать можно.

Зато фигурка у Нельки была что надо. Еще в седьмом классе, когда все девчонки, включая Алю, были какие-то нескладные, длинные и несуразные, Нелька выглядела так, что даже взрослые мужчины на улице оборачивались. Где надо – кругло, где надо – тонко, а все вместе – соблазнительно, хоть джинсы надень, хоть кожаную мини-юбку.

К тому же Нелька действительно научилась «рисовать лицо» и делала это так лихо, что всего пятнадцать минут перед зеркалом превращали ее едва ли не в

кинозвезду. Она была в курсе всех косметических новинок, первой пробовала какую-нибудь особенную тушь для ресниц с удлиняющим эффектом и, ни секунды не задумываясь, могла потратить сэкономленные на завтраках деньги на дорогущую диоровскую помаду.

– Привет! – сказала Нелька, входя. – О, Макс у тебя. Знала, не пришла бы!

Удивление она разыграла более чем натурально; как будто не было вчерашнего разговора по телефону.

– Сейчас пойдем, я уже одеваюсь, – подхватила Аля. – Кофе выпьешь пока?

– Если только с Максимчиком, – стрельнула глазками подружка. – Если он мне компанию составит.

Едва ли Максим ей нравился. Но у Нельки было железное правило: кокетничать со всеми особами мужского пола старше пятнадцати и моложе шестидесяти лет – на всякий случай. Так что глазками она стрельнула вполне безотчетно.

– Составлю, если сваришь, – сказал вышедший из кухни Максим. – Учти, я растворимый не пью.

Аля удивилась его словам. Максим всегда как миленький пил растворимый кофе, она и знать не знала, что он его, оказывается, не любит.

– Куда деваться бедной девушке! – с притворной покорностью согласилась Нелька. – Пойдем уж, сварю.

Пока они варили и пили кофе на кухне, Аля отправилась к себе в комнату одеваться.

Квартира у них была самая обыкновенная – небольшая, двухкомнатная – и выглядела, как все квартиры в панельных новостройках. Аля даже удивлялась, как это родители так легко согласились переехать сюда из самого центра, из Климентовского переулка. Правда, и она ведь не слишком сожалела о комнате в коммуналке, где прошла вся ее жизнь.

Да что там – «не слишком»! Ей даже снился иногда этот длинный унылый коридор с десятью дверями, и вечно промозглая ванная с растрескавшейся эмалью раковины, и туалет, в котором всегда было холодно по утрам…

А Нелька жила точно в такой же квартире, только двумя этажами ниже.

И вот теперь Аля облегченно вздыхала, просыпаясь в своем новом, теплом доме. Как хорошо, как тихо, и не гремят чужие кастрюли на кухне, и не надо ругаться со старой дурой Ширшовой, которая с утра пораньше начинает вопить, что это именно Аля с вечера разлила «что-то жирное» на кафельном кухонном полу.

Конечно, немного жалко: все-таки жили возле самой Третьяковки, и все улочки-переулочки там знакомы. Но в конце концов, Тушино не так уж далеко от центра. Ровно двадцать пять минут до Пушкинской на метро, мама специально время засекала, когда ездила смотреть новую квартиру. К тому же без пересадки, так что для Москвы – вообще не расстояние. И люди здесь, на этой ветке и в этом направлении, живут какие-то приличные. Во всяком случае, в метро мало встречается убогих, тупых лиц. Даже пьяных сравнительно немного. Едут вполне нормальные люди – такие же, как Алины родители. Читают «Московский комсомолец», детективы и любовные романы, разговаривают о своей обычной жизни, не слишком ругаются из-за тесноты, и ни одной старушке не приходится стоять: всегда найдется кто-нибудь, кто уступит место.

В общем, жить можно – тем более что Алина жизнь вообще была не в этом…

Она открыла шкаф и задумалась на полминуты. Аля никогда не выбирала заранее, что наденет. Все ведь зависит от настроения – даже больше, чем от погоды.

Сегодня настроение у нее было веселое и даже бесшабашное. Поэтому она достала ярко-алый свитерок и любимые, бесценные индиговые джинсы «Наф-Наф». К этим джинсам полагался длиннющий и невесомый шелковый шарф василькового цвета, который трижды обматывался вокруг шеи, образуя причудливые волны.

Алин гардероб не блистал разнообразием, зато все вещи были оригинальные. Вкус у нее был хороший, как у мамы, и хотя денег, конечно, для его воплощения не хватало – джинсы «Наф-Наф» были исключением, – все-таки Аля старалась,

чтобы одежда подходила к ее внешности.

Впрочем, в этом смысле свобода выбора была полная, потому что волосы у нее были совсем светлые, а глаза – совсем темные. Так что подбирай к чему угодно! Оттого и шел ей красный свитер с васильковым шарфом.

И краситься ей, в отличие от Нельки, почти не приходилось: все-таки темные глаза выразительны сами по себе, особенно когда они такие большие, как у Али. А губы можно подкрашивать совсем чуть-чуть, а то они даже вульгарно смотрятся, если помада слишком яркая.

Так что на макияж Але требовалось ровно три минуты – и все-таки сразу было видно, что она как-то себя преобразила.

– Быстро ты, – заметила Неля, когда Аля вышла к ним на кухню. – А мы тут о философии всякой беседуем.

Максим молчал, глядя на Алю.

– О философии? – удивилась она. – Это с чего вдруг?

– Ну, не о философии, конечно, – засмеялась Нелька. – Так, о судьбе.

– И что решили? – заинтересовалась Аля.

– Да ничего. Макс считает, что все в наших руках, а я говорю, что от судьбы не уйдешь.

– Ну, не совсем так… – начал было Максим.

– Так, так! – махнула рукой Нелька. – Такой ты весь положительный, просто загляденье. А по-моему, человек полжизни проводит в трансе, и попробуй еще из него вырваться.

– То-то ты дискотеки любишь, – улыбнулась Аля. – Протрясешься до утра – вот уж точно транс.

– А что ты думаешь? Потому и люблю. Так-то в жизни слишком напряг большой, а там – плывешь себе…

– Особенно если «экстази» принять, – усмехнулся Максим.

– Я опаздываю, – предупредила Аля. – Вообще-то, если хотите, можете здесь оставаться. Продолжите философскую беседу…

– Нет уж, – хихикнула Нелька. – Не люблю время зря терять.

Глава 2

– У-у, какой ноябрик мерзотный! – поежилась Нелька, едва они вышли из подъезда. – Хоть бы снег нормальный пошел, что ли, не эта труха мокрющая. А декабрик еще гаже будет, вот посмотришь.

– Почему это? – засмеялась Аля, поднимая капюшон клетчатой куртки. – Почему такой пессимизмик?

– Не пессимизмик, а реализмик. Прогноз погоды слышала потому что. Минус один – плюс три, ветер северный, мокрый снег с дождем.

– А вдруг все-таки хороший будет декабрь? – зачем-то настаивала Аля. – И снег на Новый год?

– Будет хороший – обрадуемся от неожиданности.

– Ладно, девушки, я пошел, – сказал Максим, надевая перчатки. – Алька, мне позвонить?

– Позвони, – пожала плечами Аля. – Телефон пока не отключили.

– И зачем ты его держишь? – произнесла Неля, глядя вслед удаляющемуся Максиму. – Геометрию решать?

– А я его не держу, – снова пожала плечами Аля. – Сам держится. Хотя, конечно… – вдруг улыбнулась она. – Конечно, давно можно было отшить…

– Но не хочется, – закончила Неля.

– Не хочется, – подтвердила Аля. – Ну, нравится мне с ним, по-особенному как-то нравится, я сама не понимаю как!

– Да брось ты – «по-особенному»! – рассмеялась Нелька. – Динамо нравится крутить, вот и все. Ты ж динамистка прирожденная – была, есть и будешь!

– Ну, может быть, – засмеялась в ответ Аля. – Ладно, спасибо, что зашла.

– А то бы он тебя, бедную, невинности лишил, – съехидничала Неля. – Давно пора, между прочим. Ты на урок?

– Да.

– А ему небось сказала, что мы с тобой сапоги срочно пойдем покупать.

– Почти, – усмехнулась Аля. – Юбку.

– Что любовь с человеком делает! Вроде на телочка не очень похож, а поди ты – слушается! Как тебе мой цвет, кстати? – вспомнила Нелька. – Что-то ты молчишь – не идет мне?

Нелька произвела очередной эксперимент со своей головой, и волосы у нее были теперь нового сиреневатого цвета. И прическа была новая: асимметричная длинная челочка, зачесанная за ухо.

– Отлично, тебе идет, – кивнула Аля. – Просто при Максе не хотелось говорить. Может, ему положено думать, что у тебя такой натуральный.

– Да ну! – махнула рукой Нелька. – Он обо мне вообще не думает, не видишь разве? Хоть я в серо-буро-малиновый выкрашусь. Смотрит на тебя как завороженный, только что челюсть не отвисает. Все, Алюнь, я пошла. Двадцать

пятого празднуем, не забыла?

– Не забыла. Что тебе подарить, скажи честно, а?

– Ладно, скажу, скажу, сама определюсь только, – рассмеялась на прощание Неля. – Звони!

Квартира, в которой жила Наташа Смирнова, ничем не отличалась от Алиной.

Эта стандартная квартира в новостройке почему-то казалась не новой, хотя Аля знала, что Смирновы переехали в Тушино совсем недавно, даже позже, чем она сама. Но в их доме мгновенно установился тот самый уклад, который делает неразличимыми множество квартир – в Москве, в Самаре или в Костроме.

В обстановке большой комнаты чувствовалось то, что принято называть достатком и что на Алю нагоняло невыразимое уныние. Полированная стенка – это обязательно, хотя совершенно непонятно, зачем: и без того небольшая комната кажется из-за нее узкой и тесной. В стенке хрустальные вазы, фарфоровые сервизы и книжки: частью – собрания классиков, подписанные при социализме как дефицитные, частью – глянцевые, пестрые, покупаемые теперь на лотках в метро.

Массивный диван, два таких же кресла с велюровой обивкой.

Длинный журнальный столик от гарнитура, который хозяева никак не придумают куда приткнуть, и поэтому он то и дело перемещается по комнате. Столик новый, полированный, хозяйка боится, что на нем останутся пятна, и бдительно следит, как бы кто-нибудь случайно не поставил горячую чашку.

Люстра с бесчисленными хрустальными подвесками, а над диваном – хрустальное бра, купленное в наборе с люстрой.

Двойные, тюлевые и плотные, шторы на окнах. Цвет штор может быть какой угодно: их турецкое происхождение все равно очевидно.

Именно такой была квартира Смирновых, в которую Аля Девятаева приходила дважды в неделю.

Наташа занималась охотно – насколько она вообще могла охотно заниматься математикой. Точнее сказать, с Алей она занималась охотно: ей нравилось, что та не заводит ее в алгебраические дебри, а просто показывает, как надо сделать домашнее задание. Минимальная польза, которая должна была от этого происходить для Наташи, вполне таким образом достигалась.

Вообще же, конечно, Наташина голова была занята мальчиками, хитами модных групп, косметикой – то есть всем тем, чем заняты головы большинства пятнадцатилетних девчонок, успевших понять, что судьба не одарила их ни выдающимися способностями, ни каким-нибудь особенным призванием. И довольно скоро догадавшихся, что это совсем не повод для переживаний.

– Ой, Аль, может, покороче сегодня, а?

Наташа умильно смотрела на Алю, снимающую сапоги в прихожей.

– А деньги за что твоя мама платит? – возразила Аля, про себя обрадовавшись Наташиной просьбе.

– Ну-у, тоже мне деньги! За такие деньги пятнадцать минут в самый раз будет. Я у тебя все перепишу, а объяснять ничего не будешь, ладно?

Для приличия Аля сделала вид, что сомневается.

– Ну Алечка, – заныла Наташка, – ну пупсик, ну сама же понимаешь! Предки в полшестого придут, а мы с тобой в половине пятого кончить должны… Нам с Сережкой, выходит, час на все про все?

Аля рассмеялась Наташкиной непосредственности. Она знала, что отношения ее ученицы с Сережкой еще не сложились: та еще только пыталась его отбить у одноклассницы. Поэтому, конечно, часа на всю кадриловку было явно недостаточно.

– Он во сколько придет? – спросила Аля.

– В четыре, – радостно сообщила Наташка. – Ну, опоздает еще… В общем, на геометрию у нас с тобой пятнадцать минут.

– Тогда переписывай давай, я пока позвоню, – охотно сдалась Аля. – Если что непонятно – зови.

– Да чего там непонятного, – махнула рукой Наташа. – Все непонятно – ну и что? – добавила она уже из-за двери своей комнаты.

Телефон стоял в той самой большой комнате, которая неизвестно почему нагоняла на Алю такое уныние, и на том самом несуразном журнальном столике.

Аля присела в кресло, достала из сумки блокнот. Позвонить ей надо было тренеру по бальным танцам – узнать, выздоровел ли он и приходить ли завтра. У Владлена Игоревича было занято. Аля поставила телефон на автодозвон и рассеянным взглядом окинула знакомую комнату: новенький ковер, искусственные цветы в керамической напольной вазе, затрепанные номера «Бурды» на столике…

Поверх журналов рядом с телефоном лежал листок в клеточку, исписанный какими-то цифрами.

«Наташка, что ли, черновик какой-нибудь забыла?» – подумала Аля, придвигая к себе листок.

Она сразу поняла, что перед нею не работа по геометрии, а какие-то домашние расчеты, и хотела не глядя отодвинуть листок. Но взгляд ее сам собою уже остановился на этих цифрах.

«Булка хлеба, – было написано слева. – 2 шт». И справа, через тире: «Платил Коля».

«Мясо гов. – 1 кило, – продолжалась запись. – Платила я».

И дальше, длинной колонкой: «Мясо свин., гречка, манка, макароны, шпроты, яблоки… Платил Коля, платила я, Коля, Коля, я…»

Внизу была подведена черта, под которой было записано: «Осталось у Коли… Осталось у меня…»

Аля смотрела на эти записи, и что-то странное происходило с нею – она сама не могла понять, что же с нею происходит… А понять ей почему-то было необходимо, хотя чувства, вдруг поднявшиеся в ее душе, были нерадостны.

Но как раз в эту минуту в трубке наконец раздался голос Владлена Игоревича, и, тряхнув головой, Аля постаралась развеять странные свои чувства.

Когда она вышла из Наташиного подъезда, на улице уже сгустилась та ранняя ноябрьская темнота, которая почему-то всегда кажется тревожной. Аля подумала было, что вся ее тревога как раз и связана только с этой темнотой, и даже постаралась представить свой дом – уютный, спокойный, уничтожающий любую тревогу одним своим существованием…

Но тревога не проходила, и Аля брела в мокрой осенней темноте вдоль длинного семнадцатиэтажного дома и не знала даже, хочет ли оказаться сейчас в знакомом тепле и уюте.

Она не заметила, как дошла до последнего подъезда. Дальше, через дорогу, темнел овраг, вдоль него лепились гаражи-»ракушки». Аля оглянулась, не зная, куда идти дальше.

«Да что же это со мной? – подумала она почти с испугом. – Что такого произошло за какие-нибудь полчаса? Я пришла к Наташке, позвонила Владлену… Ведь ничего особенного!»

В торцевых окнах первого этажа горел свет, над дверью в полуподвал призывно светилась надпись: «Кафе «Зодиак». Делать все равно было нечего и размышлять бог весть о чем, стоя на пронизывающем ветру, тоже было не слишком приятно.

Аля спустилась по бетонным ступенькам и толкнула дверь в кафе.

Наверное, этот «Зодиак» открылся совсем недавно, иначе она знала бы о его существовании, хоть Нелька сказала бы. Это было простое маленькое кафе – такое же, как во многих новых домах спальных районов: без особенных изысков, но по крайней мере без пудовых деревянных панелей на стенах, на которых прежде обязательно были бы изображены три медведя или Царевна-Лягушка со стрелой.

И столы здесь были вполне современные – круглые, глянцево-черные, с блестящими металлическими ножками, – а не те, из прежних кафе, массивностью своей напоминавшие могильные плиты.

В будний день людей в кафе было немного, да и немногочисленные посетители были как-то незаметны в приглушенном свете. «Битлз» тихо напевали о желтой подводной лодке, подмигивали лампочки за спиной у бармена, подмигивали со стены двенадцать знаков Зодиака – Козерог, Весы, Водолей…

И Аля вдруг обрадовалась, что заглянула сюда! Наверное, это и было то самое, чего ей хотелось именно сейчас: не шумная дискотека, но и не домашний уют. Что-то самое обыкновенное, ни на минуту не отвлекающее от собственной души…

Аля взяла у стойки двести граммов «Монастырской избы» и, пока молодой симпатичный бармен варил кофе, присела со своим бокалом за столик в углу.

Чувство, с которым она вышла из Наташиной квартиры и брела вдоль длинного желто-белого дома, вернулось снова. Но теперь оно перестало быть таким тревожным и лишь слегка будоражило душу, как голоса, поющие о желтой субмарине. Но оно было, никуда не делось, и Аля словно прислушивалась к себе, пытаясь понять…

– Девушка, кофе ваш готов, возьмите! – услышала она и вздрогнула, как будто бармен произнес что-то неожиданное. – Или ладно, сидите, я принесу.

Его голос на мгновение вырвался из общего негромкого гула и невольно показался подсказкой.

«Просто я увидела все, как в зеркале, – поняла Аля. – Ну конечно, все повторилось всего за несколько часов! Парень с девушкой одни в пустой

квартире – сначала я с Максом, потом Наташка со своим Сережей. И даже одинаковые квартиры, и один на всех ноябрьский день… И значит, все это может быть моей жизнью? Вот я вышла замуж за Макса, и мы купили стенку, или даже не стенку – все равно, какую-нибудь мебель, холодильник, что ли. И этот листок с хозяйственными подсчетами… Ну, допустим, я не стала бы записывать, кто заплатил за макароны, и он бы, пожалуй, не стал. Но все равно… Господи, какая скука!

Но ведь все так живут, – пыталась убедить себя Аля. – И Смирновы еще очень хорошо живут… У Инны Путренок, другой ученицы, вообще отец пьет, и невозможно смотреть, как ее мать стыдится даже перед девчонкой-учительницей. А еще невозможнее – когда уже и стыдиться перестает и просто пытается уложить его пораньше, чтобы отвязаться наконец от него и телевизор посмотреть спокойно. И это еще не самое худшее: он хотя бы не гоняется за ней с ножом…

Что будет, если я не поступлю в ГИТИС в следующем году? – с ужасом подумала она. – Вообще не поступлю – окажется, например, что я совершенно бездарна? Вот так вот я и буду жить?..»

Она торопливо глотнула кофе, как будто хотела, чтобы горячий напиток обжег горло.

«Не может этого быть! Я же знаю, что не может, теперь уже точно знаю…»

Аля действительно знала – во всяком случае, ей необходимо было точно знать. Иначе могло повториться то, что происходило с нею в начале этого лета – из-за чего она потеряла год, даже не попытавшись поступать в ГИТИС.

…В том, что она будет актрисой, Аля была уверена лет с пяти – с тех пор как узнала, что люди кем-то становятся, когда вырастают большие. А раз надо кем-то быть, то есть что-то делать – значит, она будет изображать жизнь, которой не бывает.

Ничего увлекательнее этого занятия Аля просто не могла себе представить.

Быть актрисой значило надевать каждый вечер наряды, в каких не ходят по улицам, и ходить в этих нарядах так, как не ходят по улицам. И произносить какие-то необыкновенные слова, которых не услышишь ни дома, ни в школе. Или даже произносить обыкновенные слова, но так, как их никто не произносит.

Аля просто извела маму своими фантазиями! Ей было совершенно все равно, что надевать в обычной, повседневной жизни, ее не привлекали ни новые туфельки, ни импортные платья. Но эти необыкновенные наряды… Без них Аля жить не могла, хотя надевать их было некуда и никакой практической необходимости в них не было. Разве что на новогодний утренник, так ведь он раз в году бывает.

А длинные платья в золотых блестках нужны были не раз в году. Они нужны были всегда. Чтобы не прерывалась та жизнь, которой не бывает, но которая только и была для маленькой Али настоящей жизнью.

В этой жизни она была, например, королевой – значит, срочно требовалась настоящая корона.

– Но ведь у тебя уже есть, Алечка, – пытался уговорить ее папа. – Тебе же тетя Катя подарила на день рождения корону, чем она плоха?

– Но это же для принцессы корона! – чуть не плакала Аля. – А королева – это же совсем другое. У нее совсем другой характер, и ей совсем другая корона нужна!

Нельзя сказать, что все это было чистым капризом, а наряды нужны были Але только для того, чтобы повертеться в них перед зеркалом.

Она с нетерпением ждала лета, потому что летом наконец наступала та самая жизнь, которой не бывает. Ну, или почти та самая.

На все лето Алина семья перебиралась на дачу в поселок Семхоз, неподалеку от Сергиева Посада. То есть это Аля перебиралась на все лето. Потому что родители по очереди брали отпуск, да еще приезжала из Белой Церкви тетя Катя – и таким образом все Алино лето проходило на даче. Она даже на море ездила неохотно, когда, примерно раз в два года, отец брал у себя в «Гипродоре» путевки в ялтинский дом отдыха.

Вообще-то дача в Семхозе им не принадлежала. Но Девятаевы снимали ее из года в год и давно дружили с хозяевами – так что никто уже и представить себе не мог, как это – не приехать сюда летом. А Аля и вовсе не задумывалась, кому принадлежит дача.

Пожалуй, это даже хорошо – что дача не их. Маме однажды предлагали участок в ее поликлинике, и сравнительно недалеко от Москвы, и по хорошему Волоколамскому направлению. Но взять этот участок значило бы жить в унылом ряду домишек, похожих на курятники, среди чахлых яблоневых саженцев, из которых неизвестно когда еще вырастут деревья.

В Семхозе все было по-другому. Дома в нем были настоящие – из потемневшего от времени дерева, и яблони настоящие – высокие, с огромными яблоками, и заросли жасмина под окнами настоящие – густые.

А главное, летом в поселке Семхоз собирались все Алины дачные друзья. И сразу же, с первого дня, начинался театр.

Аля как-то не думала о том, что существуют пьесы, написанные специально, чтобы по ним ставились спектакли. Пьесы она выдумывала сама и даже не представляла, что может быть иначе. Ведь это ей предстояло в них играть, почему же она должна подчиняться чужой фантазии?

Пьесы были сплошь про королей и принцесс, так что платья с блестками оказывались очень кстати. Или наоборот: короли и принцессы оказывались кстати к платьям с блестками?

Конечно, Але доставались главные роли; она сама выдумывала их для себя. Точнее говоря, в каждой пьесе была главная положительная и главная не очень положительная роль. И Аля играла именно не очень положительную – какую-нибудь капризную принцессу, например – потому что совсем уж отрицательную ведьму играть ей не хотелось, а роль кроткой падчерицы казалась скучной.

Они допоздна сидели на двух огромных бревнах напротив дачи Романцовых и выдумывали все новые и новые сюжеты, интриги и финалы. Больше всех выдумывала Аля, а меньше всех – Сонечка Наволоцкая, которая как раз и играла кротких красавиц. Иногда Аля обижалась на подруг, если они не соглашались с какими-нибудь ее выдумками.

– Почему это все по-твоему должно быть? – сердито говорила Света Ясырева, родители которой снимали дачу в соседнем доме под зеленой крышей. – Ты, что ли, самая главная?

Главная она или не главная – это было Але вообще-то все равно. Но именно что «вообще-то». А в мире ее фантазий главной могла быть только она. Как же иначе?

– Да, главная! – нахально заявляла она Светке. – А не нравится, так сама придумай лучше. Ну, придумай, придумай! Как, по-твоему, принц найдет прекрасную Мадлену? Видишь – не знаешь, не можешь придумать! А говоришь тоже…

Но в основном ни девчонки, ни немногочисленные мальчишки-театралы, которым доставались роли королей и драконов, с Алей не спорили. Наоборот, слушали завороженно, а если что и выдумывали, то не сюжеты, а декорации из подручного материала.

Сценой служила утоптанная площадка перед жасминовой изгородью романцовской дачи. В жасминовых кустах давно уже было выломано что-то вроде арки, и оттуда, из-за зеленых кулис, выбегали под аплодисменты зрителей-дачников герои в ярких костюмах.

Аля на всю жизнь запомнила, как впервые вышла на эту сцену. Даже не спектакль запомнила, а ту неожиданную растерянность, которая охватила ее, когда Колька Синченко поднял занавес над жасминовой аркой и она оказалась одна перед зрителями. Она сразу должна была что-то говорить, но все слова, ею же самою и придуманные, мгновенно вылетели у нее из головы…

Аля стояла посреди сцены и испуганно смотрела на заполненные зрителями ряды лавочек и стульев, принесенных из всех окрестных домов. Перед нею сидели такие же люди, как она сама. Даже не такие же, как она, а взрослые люди! И как ей стоять, как ей двигаться перед ними – так, чтобы им не стало ни смешно, ни скучно?

Аля почувствовала, что сейчас заплачет и убежит. Она и представить себе не могла, что с нею может произойти подобное! Руки у нее онемели, ноги приросли

к земле, а язык не шевелился во рту.

Она посмотрела на папу, сидевшего в первом ряду, на маму, которая от волнения села подальше. Но и они смотрели на нее с тем же ожиданием, и они казались чужими, когда Аля смотрела на них со сцены…

И в ту минуту, когда Аля поняла, что никто не может ей помочь, и уже собиралась повернуться и уйти, – в ту самую минуту страх ее прошел! Он исчез мгновенно и беспричинно – просто улетучился, как будто его и не было, и уже через секунду Аля даже не могла вспомнить, какой он был, этот страх.

– Какой веселый будет бал! – произнесла она ту самую фразу, которая только что казалась забытой навсегда. – Какое счастье ждет меня сегодняшним вечером!

Вот это она и запомнила на всю жизнь: свою растерянность, неуверенность – и неожиданно пришедшую свободу.

Конечно, их дачные игры в театр не могли продолжаться бесконечно. Аля даже не заметила толком, когда они прекратились и почему. Как-то само собой оказалось однажды летом, что они больше не придумывают никаких сказок про принцесс, не шьют костюмы из старых штор и не собираются играть очередной спектакль… И арка в жасминовых кустах заросла сама собою.

А вместо театральных страстей начались страсти настоящие, ничуть не менее бурные. Сонечка Наволоцкая влюбилась в Диму Верченко, который в прошлом году играл злого колдуна. А Диме, наоборот, нравилась Аля, но он стеснялся это показывать. А Але непременно хотелось услышать от него признание, и она все лето была увлечена отношениями с Димой: тайным заманиванием, неожиданной демонстрацией холодности…

В последний вечер перед отъездом в город Дима признался ей в любви. Они сидели на тех самых бревнах напротив романцовской дачи, где прежде придумывали театральные сюжеты. Дима говорил, что жить не может без Али, что будет дни считать до следующего лета… Аля чувствовала, что сердце у нее стучит стремительно и счастливо. В те минуты ей даже казалось, что она тоже влюблена в Димку и тоже жить без него не может.

Казалось бы, обычная жизнь начисто вытеснила театральную. Но Аля почему-то этого не замечала: в глубине души она была уверена, что театр никуда не исчез. Она изредка даже ловила себя на том, что на ходу придумывает роль и тут же играет ее, легко вовлекая в свою выдумку окружающих.

А все вокруг были уверены, что Алино детское увлечение прошло бесследно. Конечно, она часто ходила в театр и читала о нем книги. Но кто же, живя в Москве, не ходит в театр! А читала Аля вообще очень много и довольно беспорядочно – не по программе, а что хотелось.

Она никому не рассказывала, что однажды, в восьмом классе, попыталась записаться в драмкружок при Дворце пионеров. Не рассказывала потому, что ей неприятно было об этом вспоминать.

Руководил драмкружком пожилой актер, пенсионер Малого театра. Але он сразу не понравился, как только она увидела его в фойе перед зрительным залом. Даже не сам он не понравился, а шелковое кашне на его шее и картинно-длинные седые волосы. Это даже странно было: Аля ведь сама любила все необычное в одежде. Но необычность этого кашне была какая-то нарочитая, неживая.

Впрочем, Аля не думала об этом так определенно. Она сбивчиво объяснила, что хотела бы записаться в драмкружок, потом вошла вслед за руководителем в зал, поднялась на сцену и стояла, ожидая задания, которое он должен был ей предложить.

Руководитель сидел за столиком в проходе полутемного зрительного зала и, задумчиво наклонив голову, смотрел на ожидающую Алю. Было что-то неестественное и в этой затянутой паузе, и в его задумчивом взгляде – такое же неестественное, как кашне на его морщинистой шее. Хотя, может быть, Але это только казалось, а на самом деле он просто размышлял, какое бы задание ей придумать?

Наконец он попросил ее изобразить разговор с подругой по телефону.

– Ну-у что ж… – протянул он, когда Аля продемонстрировала все, что смогла придумать за две минуты. – Что ж, неплохо… Но, прошу меня извинить, я совершенно не услышал разговора! Вы ничего толком не произнесли, только

совершали некие телодвижения – довольно ненатуральные и при обычном телефонном разговоре неуместные. И, кстати, я не почувствовал подруги! Вы были так заняты собой…

Как ни странно, Аля даже не обиделась, услышав эти слова, да еще произнесенные небрежно-снисходительным тоном. Она только пожала плечами и не простившись вышла из зала, чем утвердила бывшего актера в мысли, что он совершенно правильно поступил, щелкнув по носу эту самоуверенную девицу. Тем более что людей в драмкружке и без нее было больше чем достаточно.

После этого случая Аля окончательно решила, что настоящий театр – это то, что происходит у нее в душе. Во всяком случае, пока – пока она не поступит в ГИТИС.

В душе у нее всего было так много, и все это было так важно для нее, так серьезно! Книги, от которых она не могла оторваться до утра, представляя себя на месте героинь… Спектакли, которые она смотрела с галерки, думая, как могла бы в них играть… Даже романы с ее многочисленными ухажерами были сродни спектаклям!

Ее вполне устраивал тот театр одной актрисы, в котором она жила и в котором сама для себя могла выдумывать и печали, и радости.

Еще в пятом классе Аля пошла заниматься в студию бального танца, и эти занятия не надоели ей ни через год, ни через три. Там никто не говорил ей, что она делает ненатуральные жесты! Наоборот, тренер Владлен Игоревич считал, что у нее необыкновенно выразительная пластика и что она прекрасно владеет своим телом.

Может быть, если бы хоть кто-нибудь из ее родственников или знакомых был связан с театром, Аля все-таки попыталась бы приноровить свои смутные фантазии к реальности. Ну, хоть разузнала бы подробнее о том, как поступают в ГИТИС. Но папа был инженером-дорожником, мама – детским врачом. И что они могли ей посоветовать?

Родителей слегка пугала Алина, как они говорили, скрытность и безалаберность.

– Куда ты все-таки думаешь поступать? – интересовалась мама. – Год остался до выпуска, пора бы уже и определиться.

Аля только улыбалась и увиливала от ответа.

– Может, я вообще поступать не буду, а, мамуля? – заявляла она. – Выйду лучше замуж за кого-нибудь, чем плохо?

Эти поддразнивания до глубины души возмущали Инну Геннадьевну.

– Я никогда не думала, что ты настолько легкомысленна! – восклицала она. – Мне просто стыдно на работе, честное слово! Все спрашивают: куда ваша дочка собирается, в университет, наверное, она у вас такая способная. И что я должна отвечать? Что дочка собирается замуж «за кого-нибудь»?!

Папа был настроен более благодушно.

– Ну, скажи, что она еще не определилась, – усмехался он. – Или что пойдет по отцовским стопам. Может, так и сделаешь, Алексашка? Очень неплохая, между прочим, профессия, я ни разу не пожалел.

Аля ничего не имела против папиной профессии и не считала, что он должен о чем-то жалеть. Но при чем здесь она? У нее были совсем другие заботы…

До окончания школы оставались считанные месяцы, а ее неожиданно охватили сомнения. Никогда их раньше не было – и вдруг, в самый неподходящий момент, когда уже пора было всем объявить о своих планах и начинать готовиться к экзаменам!..

Полутемный зал Дворца пионеров вдруг вспомнился ей, и кашне бывшего актера, и его снисходительный тон… И, главное, суть его слов.

«Он сказал, что я была занята только собой, – вспоминала Аля. – Что движения ненатуральные. Но я же совсем иначе это чувствовала! Что в них было ненатурального, в моих движениях? И я ведь не могу по-другому… Я ведь даже не представляю, как это – быть занятой не собой… А кем тогда?»

У нее даже бессонница началась от этих мыслей. Да она просто не могла думать ни о чем другом!

Внешне, впрочем, она выглядела довольно спокойной. Ей просто надо было выглядеть спокойной, иначе пришлось бы бесконечно объясняться с родителями. А что она могла им объяснить?

Поэтому Аля проявила удивительную, совершенно ей не свойственную покладистость – по крайней мере внешнюю.

Чем ближе было поступление, тем более настойчивым становился отец.

– Алюня, ты знаешь, я тебя никогда ни к чему не принуждал, – сказал он однажды. – Все думал, ты сама что-нибудь выберешь. Но похоже, ты так ничего и не решила. Так?

– Ну… Да… – промямлила Аля. – Не решила…

– Вот видишь! – Андрей Михайлович потер переносицу под дужкой очков. – Но профессию ведь приобретать надо, правда?

– Правда…

– Мама просто в отчаянии, ты же видишь. Она считает, что ты ломаешь свою жизнь. По-моему, все не так трагично, и сомнения естественны в твоем возрасте. Но тем не менее… Алечка, ты уже взрослая, оглянись вокруг! Ты видишь, что творится в стране?

По правде говоря, ей было безразлично, что творится в стране. Ну, перестройка, или как там она теперь называется? Хорошо, конечно, что теперь свобода слова и все такое. Но Аля как-то и раньше не замечала, чтобы ей кто-нибудь что-нибудь запрещал.

Много чего пишут в газетах. Но она газет почти не читает, ей это просто неинтересно. Вышло много книг, которые раньше были запрещены. Но она и те, что были разрешены и стояли на домашних полках, еще не все прочитала. Вон, даже Метерлинка впервые открыла совсем недавно, а его-то ведь никто не запрещал.

Родители вечно спорят о политике, обсуждают какие-то события из вечерних новостей по телевизору. Но все это так мало задевает ее…

Конечно, плохо, что все так подорожало и денег вечно не хватает. Но сколько Аля себя помнила, денег всегда было впритык, так что и в этом не было для нее ничего особенного. Могло, конечно, статься, что родители не получили бы квартиру, на которую десять лет стояли в очереди. Девятаевы да Нелька с матерью оказались последними в старом доме по Климентовскому переулку, кто еще успел. Но ведь успели все-таки, о чем же теперь говорить?

В общем, Аля вполне абстрактно восприняла отцовские слова. Наверное, он это почувствовал.

– Аля, у тебя еще нет жизненного опыта, это понятно, откуда бы ему взяться. Поэтому я тебя прошу, поверь мне на слово. Я понимаю, у тебя всякие фантазии неясные, мечтания. Читаешь ты что-то до утра… Но жизнь сейчас становится все более напряженной, требования к человеку возрастают. Надо твердо встать на ноги. Может быть, это кажется тебе слишком прозаичным, но это так. – Отец посмотрел немного смущенно, как будто ему самому было неловко опускать Алю с небес на землю. – Я ведь внимательно наблюдаю за твоим развитием, ты не думай. И не вижу ничего определенного! Ну, танцуешь ты чудесно, но ведь это не специальность. Я уверен, что тебе надо поступать в МАДИ. Действительно, пойти по отцовским стопам. Это очень перспективно, Алечка! – сказал Андрей Михайлович с неожиданной, совсем ему не свойственной горячностью. – Любой упадок рано или поздно заканчивается подъемом. Ты представить себе не можешь, какое бурное строительство ожидает Москву! Мало кто сейчас представляет… Поэтому надо воспользоваться тем, что в автодорожный почти нет конкурса, и поступать туда, несмотря ни на что. Ты понимаешь?

– Понимаю, – кивнула Аля. – Я подумаю, пап…

Она едва не плакала. По-хорошему, надо было бы сказать: «Папочка, опомнись – где я, где автодорожный? Пусть перспективно, пусть подъем – я-то при чем?» Произойди этот разговор год назад, Аля именно так бы и сказала. Но теперь…

Теперь она впервые задумалась о том, что же такое талант и чем он отличается от желания выдумывать какую-то невероятную жизнь и тут же ее разыгрывать. И сразу усомнилась: а у нее есть ли то, что можно было бы считать талантом?

Неизвестно, чем кончились бы Алины сомнения и как она повела бы себя дальше в то лето. Но жизнь вдруг рассудила сама – и Аля даже испугалась тому, как убийственно-просто все произошло…

Просто она простудилась, вот и все. Простудилась в разгар лета, в самую жару – да такого нарочно нельзя придумать! Обыкновенный летний дождь в ночь выпускного бала, Аля всегда любила бродить под теплым летним дождем, и ведь как-никак праздник…

За три дня до творческого конкурса в ГИТИС она лежала с температурой сорок, с совершенно севшим голосом и распухшим от насморка носом.

И с мыслями настолько мрачными, что с ними не могли сравниться ни температура, ни сопли…

«Вот и все, – думала Аля сквозь воспаленный, температурный полубред. – Не зря я сомневалась… Значит, не судьба!»

И плакала в подушку не из-за того, что невыносимо болело горло, а из-за этой неожиданной подсказки судьбы, которая казалась ей безнадежной.

Мама успокаивала ее, совершенно не понимая, что привело Алю в такое уныние.

– Алька, ничего страшного! – бодро говорила она, принося вечером с работы очередное лекарство. – Обычный бронхит, отчего ты так расстроилась? Ну, похрипишь немножко на экзаменах, расслышит тебя как-нибудь комиссия! Еще ведь не скоро, тем более первая алгебра письменная. У тебя будет вполне достаточно времени, чтобы подготовиться.

Речь шла, конечно, об экзаменах в МАДИ, и мамин оптимизм был понятен. Отец сам отнес в институт Алины документы вместе со справкой о ее болезни и тоже был полон уверенности в успехе.

– Конкурса практически нет, – объяснил он. – Зато одни мальчики поступают, из-за военной кафедры. Так что будешь учиться в интересной компании! – подмигивал он своей несчастной, больной дочери.

Краем уха она слышала, как отец говорил маме на кухне, что еще и подстраховал Алю на всякий случай, переговорив со знакомыми преподавателями из приемной комиссии…

Как все это было глупо, как никчемно и бестолково!

Температура все никак не спадала, совершенно измучив Алю. Даже читать было трудно, хотя больше делать было абсолютно нечего: лежать наедине со своими невеселыми мыслями да смотреть в окно…

Эта не спадающая температура тревожила маму, хотя она и выглядела профессионально невозмутимой.

– Не волнуйся, Аленька, – говорила она. – Есть нормальное медицинское понятие: кризис – значит, перелом к выздоровлению. Он бы давно уже наступил, если бы ты так не нервничала неизвестно из-за чего. У тебя ведь не воспаление легких! Я просто не понимаю…

В мамином голосе сквозила растерянность.

Вечером, когда все наконец улеглись и в квартире наступила полная тишина, Аля включила лампочку-прищепку над своей кроватью. На полу у кровати лежала книга, незадолго до болезни подаренная дядей Витей, маминым братом. Это были мемуары Алисы Коонен, которые Але давно хотелось почитать, потому что она слышала об этой актрисе мало и мельком. И потому, что имена у них были похожи…

Аля открыла книгу наугад. Она и раньше любила вот так, беспорядочно читать, а теперь, при температуре, глаза ее сами собою рассеянно скользили по страницам.

И вдруг что-то задержало ее внимание… Аля даже не сразу поняла, почему, преодолевая головокружение, вчитывается в тот эпизод, когда режиссер Таиров объясняет Алисе Коонен сцену из «Покрывала Пьеретты».

«Вот это состояние – жажду жизни и ужас смерти – мы и должны почувствовать в вашей неподвижно застывшей фигуре, в вашем лице, в ваших глазах», –

читала Аля.

Но ведь это и было то самое! То самое, что происходило с нею, когда она пыталась представить себя актрисой! Ей ведь именно и хотелось, чтобы любое ее чувство можно было понять даже без слов, в неподвижно застывшей фигуре!

«Чувство, которое владеет вами в эту минуту, может раскрыть только ваша рука. В вашей кисти, в ваших пальцах, которые сжимают яд, мы должны ощутить холод смерти…»

Але показалось, что температура у нее поднимается еще выше, и одновременно – что лоб у нее холодный, и рука холодная, и это она сама сжимает пальцами яд…

Она открыла первую страницу и принялась читать не отрываясь. Она читала, пока летняя синева не проступила в окне и пока не потускнел в первых солнечных лучах свет лампочки над кроватью.

К утру у нее была нормальная температура и чувствовала она себя необыкновенно бодрой, несмотря на то что ночная рубашка стала мокрой от пота.

Недопитый кофе остыл в чашке. Допивать его не хотелось, да и сидеть в кафе «Зодиак» тоже было незачем.

Аля встала и окинула полутемный зал благодарным взглядом. Она всегда чувствовала благодарность к тем местам, с которыми были связаны важные для нее события. Хотя само по себе кафе «Зодиак» было совершенно ни при чем – так же, как и песня про желтую подводную лодку.

Глава 3

Нелькин день рождения был пятнадцатого ноября: она была Скорпион по гороскопу, а Аля родилась на самое Крещение, девятнадцатого января –

Козерог. Но отмечать Алина подружка решила двадцать пятого: что-то там не складывалось в парикмахерской, надо было кого-то подменить, потом был день рождения у одного парня, к которому Нелька не могла не пойти, хотя парень так себе, но все-таки…

Зато празднование намечалось не где-нибудь, а в «Титанике», ночном клубе на Ленинградке.

– Макса позовешь? – поинтересовалась Аля.

– Да ну его! – скорчила гримаску Нелька. – Он же сам говорит, что дискотеки терпеть не может. Конечно, если ты хочешь…

– Нисколько я не хочу, – пожала плечами Аля. – Просто так спросила.

– Он в тебя, наверно, с первого взгляда влюбился, – заметила Нелька.

– Ну-у… Почти! – не стала спорить Аля.

Нелька рассмеялась.

– А ты небось сразу и принялась его мурыжить на всю катушку! Ох, Алька, одного я не понимаю: как это ты с таким характером до сих пор невинность блюдешь? И зачем, главное?

– Ладно-ладно, – не стала вдаваться в подробности Аля. – Ничего я специально не блюду! Но что же мне, с первым встречным?..

– Почему бы и нет? – хмыкнула Нелька. – Хотя бы из любопытства. И для здоровья полезно, между прочим, если, конечно, предохраняться как следует.

Нелька была довольно цинична во всем, что касалось интимной жизни. От нее Аля знала множество таких подробностей, которых ей не рассказывала даже мама – хотя Инна Геннадьевна считала, что половое воспитание девочка должна получить в семье, а не в подворотне.

Но у Нельки даже цинизм был какой-то веселый и легкий, как и весь ее характер. И в конце концов, почему надо считать, что она не права? Але и самой казалось странным, что к девятнадцати годам ее собственные отношения с мужчинами ограничивались поцелуйчиками и объяснениями. Но что делать, если лечь с кем-нибудь в постель «из любопытства» – не по ней…

– Слушай, а почему ты его Кляксичем зовешь? – вспомнила Нелька.

– Да из-за фамилии, – ответила Аля. – У него же фамилия – Кляксин. Я тебе разве не говорила?

Максову фамилию Аля узнала в первый же день их знакомства: подсмотрела в листочке посещаемости, когда неизвестный молодой человек сел рядом с нею в аудитории МАДИ, где проходили консультации по алгебре.

И не сдержала смешок, когда записывала свою фамилию вслед за Максовой.

– Ты чего смеешься? – удивился он. – Фамилия у меня смешная?

– Да нет, – слегка смутилась Аля. – Просто меня Александрой зовут. Но называют Алей…

– Ну и что? А меня Максим.

Он смотрел на нее внимательно и серьезно, и его пушистые ресницы слегка вздрагивали.

– А есть такая книжка – про Алю и Кляксича. Я ее в пять лет могла по сто раз слушать.

– Да? – заинтересовался Максим. – А кто ее написал?

– Не помню, – в свою очередь удивилась Аля. – Мне же пять лет было, как я могла запомнить, кто написал?

– А я всех авторов помню, – спокойно заметил Максим. – Даже учебника по математике для пятого класса. По-моему, это неуважительно: не помнить, кто

написал книгу, которая тебе понравилась.

– Какой ты положительный, Кляксич! – засмеялась Аля.

Так и приклеилось прозвище, которое Максим считал собачьей кличкой, но на которое не мог обижаться.

В ночной клуб «Титаник» Аля шла впервые.

– Вот посмотришь, тебе понравится, – авторитетно заметила Нелька. – Лучше нет на весь город, это точно. Да хоть в люди выйдешь! А то живешь, как не в Москве.

В таком деле, как выбор дискотеки, Нельке можно было доверять на все сто. Всего за какой-нибудь год она обошла все злачные места ночной Москвы, даже в гей-клубе побывала.

– Вот где прикольно! – со смехом рассказывала она подружке. – Сидишь просто как в кино! Мужики за столиками губки красят, глазки друг другу строят, на танец приглашают. Конечно, слегка блевотно, зато смешно. А надоест – так ведь и просто потанцевать можно, там у них знаешь какой ди-джей суперовый!

Аля действительно жила «как не в Москве» – в смысле посещения дискотек. Но что было делать? Если хочешь до бесконечности строить ухажерам глазки и крутить динамо – надо понимать, что такие кавалеры не поведут в ночной клуб, куда один вход черт знает сколько стоит… А дешевые дискотеки, на которые Аля пару раз сходила, совершенно ее не привлекали: напоминали заводской Дом культуры.

Так что приходилось довольствоваться студией бальных танцев.

У Нельки была совсем другая ситуация. Аля считала, что и в ПТУ – которое, впрочем, теперь называлось колледжем – ее подружка пошла после восьмого класса только ради того, чтобы не ограничивать себя в веселом времяпрепровождении.

– А что ты думаешь? – соглашалась Нелька. – Конечно, ради денег. Мамаша вон всю жизнь имела сколько хотела в своей парикмахерской – живой пример! А то бы я, может, с тобой в артистки подалась – за компанию, – подмигивала она Але. – И фамилия подходящая…

Фамилия у нее действительно была вполне артистическая. Просто эстрадный псевдоним, а не фамилия: Нелли Стайдл!

– А у нас это в крови! – смеялась Нелька. – Ну, в смысле погулять с выдающимся человеком. Вот чтоб упасть: наверняка какая-нибудь прабабка-парикмахерша заезжего англичанина закадрила!

Как бы там ни было, а теперь Нелька работала в салоне красоты на Ленинском проспекте и даже имела какую-то собственную клиентуру пополам с мамой. Да еще освоила маникюр и ездила его делать на дом – в общем, могла себе позволить отметить день рождения в недешевом «Титанике».

В Нелькином гардеробе имелось все, что необходимо для хорошей танцевальной тусовки: во всяком случае, коллекция «Дизеля» была представлена подробно. Но, как она объяснила Але, можно было просто прикупить кое-что прямо в самом «Титанике» – всякие наклеечки, блестиночки-переливалочки – и выглядеть совсем неплохо «малой кровью».

Чтобы попасть внутрь «Титаника», надо было пройти по каким-то бесчисленным лесенкам и переходам. Внутреннее же убранство напоминало подводную лодку или тот самый вечно тонущий корабль, в честь которого клуб и был назван.

– Правда – роскошь? – спросила Нелька, когда они с Алей уселись наконец за небольшой столик неподалеку от бара.

Глаза у Нельки горели, даже сиреневая челочка, казалось, топорщилась с боевой готовностью.

Роскошь или не роскошь, но особенная энергетика здесь действительно ощущалась. Невозможно было объяснить, с чем она связана: просто исходили какие-то импульсы и от стен, и от людей.

– Во-он те – фрики, – объяснила Неля, показывая на компанию молодых людей, выглядящих так, как будто они только что снимались в клипе Мадонны.

– Что значит – фрики? – поинтересовалась Аля, слегка стесняясь своей необразованности.

– Значит – пришли побезумствовать. Видишь, и одеты как полные идиоты!

Была уже половина десятого, и клубная жизнь кипела вовсю. Гремела музыка, не заглушая веселого гула голосов, народ толпился у бара, общался, танцевал, небольшими толпами переливаясь по всему пространству клуба.

Нелька с удовольствием продолжала экскурсию.

– А вот тот, угрюмый – директор, его Олег зовут. Он тут почти каждый вечер тусуется.

– Неужели ему еще не надоело? – удивилась Аля.

– Да ты что! Тут же всем интересно. И заметь, бандитов почти нет, в этом ихнем Версаче дурацком. Я тут как-то видела двоих – так они ежились, бедные, так им неуютно было!

– Почему же он тогда угрюмый, раз интересно? – заинтересовалась Аля.

– Потому что это стильно, – объяснила Нелька. – Стильно быть угрюмым, понимаешь?

Аля не очень поняла, почему стильно быть угрюмым. А остальные, выходит, не стильные, раз смеются и танцуют?

Но расспрашивать она не стала. Незаметно для себя Аля тоже развеселилась – почувствовала, как легкие иголочки покалывают изнутри и ноги сами собою начинают притопывать в такт гремящей музыке.

К столику подтянулись остальные Нелькины гости: пара девчонок в «кислотных» платьицах, долговязый парень в майке с гринписовской картинкой и в пудовых

«гриндерсах».

Стихия танца подхватывала Алю мгновенно, заставляя забыть обо всем – даже если это был незамысловатый дискотечный танец. Впрочем, ведь танцевать можно было как угодно, и она с удовольствием исполняла для себя самой что-то невообразимое – какую-то испано-американо-греческую смесь. Выпитый у стойки коктейль веселил душу и тело, двигаться было легко – и Аля наслаждалась и весельем, и легкостью.

«В самом деле – кайф!» – подумала она, падая в объятия какого-то парня, оказавшегося в этот момент как раз напротив нее на танцевальной площадке.

Парень не растерялся от того, что на него так неожиданно свалилась девица, а тут же подхватил Алю и, когда танцевальное па было закончено, отпустил, надо сказать, с неохотой. Аля засмеялась, подмигнула своему минутному кавалеру – и, продолжая танцевать, тут же забыла, как он выглядит. И это было прекрасно!

Она ненадолго присела за столик, чтобы отдышаться.

– Пенная парти – это улет, – рассказывала Нелькина гостья. – Поставили прямо у входа такие штуки, вроде водометов, и они, прикиньте, плевались настоящей пеной! И ни пятен от нее, ничего!

Аля не привыкла к спиртному, бокал коктейля, выпитый в самом начале вечера, до сих пор не выветрился у нее из головы, хотя потом она пила только колу. Что-то сдвинулось у нее в сознании, веселье нарастало, ей уже казалось, что пенные водометы – это действительно улет, и как хорошо каждый вечер проводить именно так, в таком вот сияющем, мигающем и гремящем музыкой местечке, чувствовать себя туго скрученной пружиной, чувствовать упругость каждого своего движения…

Она уже не различала, кто же был приглашен на день рождения, а кто подошел просто так. Публика за столиком менялась, поздравляла Нельку, потом перемещалась то к стойке бара, то на танцплощадку.

Истории из клубной жизни тоже сменяли друг друга под грохот музыки.

– А я тут однажды у бара пятьдесят баксов нашла, представляете? – Это рассказывала уже Нелька. – В «Пилоте» каком-нибудь больше десятки в жизни не найдешь, хоть весь вечер на карачках ползай!

– И что ты с ними сделала? – поинтересовался парень в таких же, как у Али, только светло-голубых, джинсах «Наф-Наф».

– Да ничего! В казино тут же проиграла, – рассмеялась Нелька. – Думаешь, акции побежала покупать?

Вечер удался, это было ясно. Возле Али завертелся какой-то парень – кажется, тот самый, которому она упала на руки в танце. Во время следующего танца они успели поцеловаться, но знакомиться все-таки не стали, а, приветливо помахав друг другу, разбежались по разным углам этого чудесного безумного корабля.

И это было так же хорошо, как будоражащий гул пестрой, веселой толпы, блеск какой-то разноцветной пыли на Нелькиных волосах и сумасшедшие выходки фриков, чуть не на ушах ходивших по танцполу!

Домой ехали на частнике, пойманном на Ленинградском проспекте: Нелька специально заначила для этого деньги.

– Устала? – спросила она у Али, падая на заднее сиденье «Жигулей». – У-уй, просто ног не чую! Хорошо, что на завтра во вторую смену заменилась.

– А я совсем не устала! – Алины глаза таинственно и радостно сияли в полумраке салона. – Мне так хорошо было… Я прямо не ожидала от себя!

– Почему же? – улыбнулась Неля. – Чего это ты, интересно, от себя не ожидала?

– Не знаю, как объяснить… – Аля помедлила, глядя, как мелькает справа от дороги темный и причудливый Петровский замок. – Я, знаешь, не представляла, что смогу так раскрепоститься, настолько ни о чем не думать. Ни сомнений, ничего! Просто танцевала, веселилась…

– Да ты вообще-то ведь нормальная девка, Аль, – сказала Неля. – Ты не знала, что ли? Конечно, почему ж в «Титанике» не отвязаться – он же для того и предназначен! Ходить надо почаще…

– А платить кто будет? – усмехнулась Аля. – Ты, или Пушкин?

– Да, это проблема, – согласилась Нелька. – Ну, ничего! Вот станешь знаменитой артисткой, заведешь себе шикарного спонсора и будешь сколько хочешь где хочешь танцевать!

Аля улыбнулась Нелькиным словам. Конечно, именно так и представляет себе жизнь актрисы ее верная подружка… Да разве только она!

«А я? – вдруг мелькнуло в голове. – А я-то вообще ничего себе не представляю…»

Но ей было так хорошо, так легко танцевать этой ночью, а теперь в машине было тепло от печки, и огни вдоль Ленинградского проспекта так таинственно мерцали по дороге к дому.

«Декабрь, январь, февраль… Целых полгода еще! – подумала Аля. – До экзаменов полгода, зачем же заранее думать о той жизни, которая, может быть, еще только будет потом?»

Глава 4

Полгода, отделявшие Алю от экзаменов в ГИТИС, пролетели гораздо скорее, чем она ожидала. И мысль о том, что надо ведь что-то делать, – пришла к ней только летом…

То есть нельзя сказать, что Аля ничего не делала всю зиму. Все делала – понемножку. Немножко занималась надоевшей математикой со своими двоечницами, немножко подучивала басни и прозу к творческому конкурсу.

Немножко спорила с родителями, не верившими в серьезность ее намерений.

– Но почему тебе кажется, что это просто блажь? – возмущенно спрашивала Аля у мамы. – Почему это непременно должно пройти через полгода, если до сих пор не прошло?

– Но одно то, что мы даже не догадывались… – пыталась объяснить Инна Геннадьевна. – Ведь мы действительно даже не догадывались, Алька!

– А могли бы догадаться, между прочим, – съязвила она. – Что я, по-вашему, из МАДИ в прошлом году сбежала ради того, чтобы вам насолить?

– Нет, мы так, конечно, не думали, – оправдывалась мама. – Но думали, что ты по легкомыслию… По безалаберности своей! Мне все-таки кажется, что так не готовятся в ГИТИС, как ты. Он, кстати, по-моему, как-то иначе теперь называется?

– Да, РАТИ, – кивнула Аля. – Российская академия театрального искусства. Но и ГИТИС тоже – по привычке.

– Странно, что ты хотя бы это знаешь, – заметил отец. – Мне, конечно, трудно объяснить, Аля… Но я думаю так же, как мама. Если бы это было у тебя серьезно, по-моему, ты больше времени уделяла бы подготовке. С репетитором бы занималась, что ли. Да ты там была хоть раз?

– Была один раз, – кивнула Аля. – Узнавала, что читать надо будет на конкурсе.

– Один раз! – хмыкнул Андрей Михайлович. – Так я и думал. Александра, да ведь ты понятия не имеешь о том, как все это происходит! Может быть, там есть какие-нибудь курсы, консультации какие-нибудь бывают. А ты занята собой, сама себе что-то выдумываешь – и считаешь, что этого достаточно.

В глубине души Аля действительно считала, что этого достаточно. То есть она как-то не думала об этом специально: просто жила наедине со своими желаниями и стремлениями.

И вот наступил момент, когда надо было оставить свой уютный кокон и решиться наконец узнать: есть он у нее, этот самый талант, или она все-таки обречена на обыкновенную жизнь, которой живет большинство людей?

Но Аля старалась заглушить сомнения. Хватит, насомневалась в прошлом году! Теперь просто пойдет на первый тур, и будь что будет.

Да и кого можно было слушать? Максим, например, вообще спросил:

– Вот поступишь ты… Кем же я тогда буду в твоей жизни?

– Какая разница? – пожала плечами Аля. – Тем же, кем и сейчас.

«Никем, – подумала она про себя. – Ну и что?»

Перед первым туром было прослушивание. И хотя Аля уже знала, что это просто консультация, что запретить поступать никому не могут, – она все-таки волновалась, входя в аудиторию, как будто уже сейчас должна была решиться ее судьба.

И это еще мало было сказать: волновалась! У нее просто ноги приросли к полу, когда в день прослушивания она открыла дверь в институт и увидела, сколько народу толпится в коридоре…

Толпа показалась ей просто неисчислимой! И, главное, это была не просто толпа, а какие-то совершенно особенные люди. Они вели себя так странно, что Але даже показалось на минуту, будто все здесь немного не в своем уме.

Они смеялись громче, чем смеются обыкновенные люди, они двигались стремительнее и изящнее, чем двигаются обыкновенные люди, они разговаривали друг с другом так, как будто уже участвовали в каком-то бесконечном и беспорядочном спектакле, они прямо в коридоре читали какие-то невообразимые монологи…

Но дело было даже не в этом. Каждый из этих впервые ею увиденных абитуриентов, со своими жестами, разговорами, монологами, – был так выразителен, что сразу казался гениальным. Или, во всяком случае, необыкновенно талантливым – конечно, куда талантливее, чем Аля.

Кроме того, она никогда не видела такого количества красивых девушек! Казалось, будто лучшие фотомодели спрыгнули с журнальных обложек и собрались в узком коридоре первого этажа, перед восьмой аудиторией… Особенно одна была – Аля просто ахнула про себя, увидев ее: высокая, с длинными пепельными волосами, с лицом Василисы Прекрасной и с такими движениями, что невольно вспоминались слова: «Выступает, будто пава…»

Аля представила свои худые плечи, острые ключицы – и поежилась.

Несколько парней сидели в конце коридора на полу и бренчали на гитарах – преувеличенно нервно и преувеличенно громко.

Аля почувствовала, что ее начинает бить мелкая дрожь. Она с трудом уняла ее, входя в аудиторию.

Женщина средних лет сидела за столом одна, и лицо у нее было спокойное, почти приветливое.

– Ну, что вы хотите прочитать? – спросила она.

– Грин, «Алые паруса»… – ответила Аля, стараясь, чтобы голос звучал погромче.

– Пожалуйста, – разрешила женщина. – Да не волнуйтесь, не волнуйтесь – читайте!

Аля читала тот отрывок, когда Ассоль видит входящий в бухту корабль капитана Грэя: показалось, что эти наполненные счастьем строки обязательно должны принести счастье и ей…

– Достаточно, – сказала женщина, послушав ровно две минуты.

Аля растерянно посмотрела на нее. Почему достаточно, неужели она так плохо читает?

– Что ж, можете попробовать поступать, – развеяла ее сомнения женщина за столом. – Желаю успеха! Пожалуйста, следующая.

Уже выходя из аудитории, Аля услышала, что следующая девочка – маленькая, худенькая – монотонным тоненьким голоском тоже читает отрывок из «Алых парусов».

– А меня спросила, куда я еще поступаю, – рассказывала в коридоре красавица, похожая на Василису Прекрасную. – Я говорю: во МХАТ, в Щепку, в Щуку.

– Тебя во МХАТ возьмут, – авторитетно заявила другая, долговязая, в потертых джинсах и ярко-зеленой блузе. – У тебя фактура мхатовская, туда одних красавиц берут. А сюда – выразительных!

– А ты откуда знаешь? – заинтересовалась Василиса.

Долговязая посмотрела снисходительно.

– Да я уже пятый раз поступаю, – объяснила она. – Что ж я, совсем уж дура, не разобралась, что к чему?

Аля как-то не подумала о том, что надо пойти на творческий конкурс не только в ГИТИС, но и еще куда-нибудь. Только здесь, в коридоре, она узнала, что все до единого абитуриента поступают одновременно во все театральные вузы Москвы. И это тоже не добавило радости…

Несмотря на то что прослушивание не принесло разочарования, Аля не только не почувствовала себя увереннее, но даже наоборот: смятение охватило ее.

Голова у нее гудела от невероятного количества невероятных историй и легенд, которые она успела услышать в коридоре, от слухов о том, какие вкусы у мастера, набирающего курс, и как угодить его вкусам.

Лица увиденных сегодня людей мелькали у нее перед глазами – уверенные, неуверенные, красивые, некрасивые, молодые, не очень… У нее голова шла кругом от этих лиц!

Родители спокойно восприняли известие о том, что ей посоветовали попробовать.

– Что ж, попробуй, – пожала плечами мама. – В конце концов, если не поступишь – это наверняка к лучшему. В армию тебе, во всяком случае, не идти.

Такая сдержанность со стороны обычно эмоциональной, всегда готовой возмущаться и восхищаться мамы была, пожалуй, даже обидна. Но Але было сейчас не до того, чтобы обижаться на родителей. Ей вообще было ни до чего: она думала только о том, как пройдет завтрашний день и первый тур.

Аля так перенервничала и так не выспалась в ночь перед первым туром, что пришла на него почти спокойная. Тем более что она уже знала: мастера все равно на первом туре не бывает, а без него отсеивают только самых безнадежных.

Мастера действительно не было. За столом в уже знакомой аудитории главным был педагог курса – мужчина лет сорока, длинноволосый и длиннолицый. Увидев его, Аля почему-то сразу вспомнила руководителя драмкружка, который сказал, что она занята только собой, – и настроение у нее испортилось.

«Но хотя бы не волнуюсь почти, – подумала она. – Уже неплохо…»

Рядом с педагогом сидели какие-то женщины – тоже, наверное, преподавательницы – и несколько совсем молодых людей. Аля уже знала, что это студенты мастера, которых приглашают послушать абитуриентов на первом туре.

Она подготовила басню «Ворона и лисица» – хотя терпеть не могла басен, но ведь положено, – еще стихотворение Ахматовой про сероглазого короля и отрывок из «Дубровского», в котором Маша говорит, что она жена князя Верейского.

Педагог слушал, откинув голову назад и прикрыв глаза рукою.

– Достаточно, – сказал он, не дослушав последнюю строфу стихотворения. – Пожалуйста, басню.

Чтение басни он прервал на словах «Голубушка, как хороша…» – как раз когда Аля изо всех сил старалась, чтобы ее голос передавал лисью хитрость.

Конец пушкинского отрывка – самый главный момент, в котором было и про отчаяние Дубровского, и про волнение души, и про Машин отказ – ей тоже дочитать не удалось.

Педагог, имени которого она даже не успела узнать накануне первого тура, отвел руку от лица и, почти не глядя на Алю, произнес:

– Достаточно, благодарю вас, больше не задерживаю.

Никто ему не возразил.

Все это длилось не больше десяти минут, и Аля так растерялась, что не могла понять, что делать теперь: выйти из аудитории или сесть на стул рядом с остальными абитуриентами, вызванными вместе с нею в аудиторию?

Она села на свое место и слушала, как высокий светловолосый парень читает «Квартет» Крылова. Глаза у парня были веселые, а лицо до того подвижное, что ему, казалось, даже и не надо было произносить слова Осла, Козла и проказницы Мартышки – все интонации чувствовались в его выразительной мимике.

Педагог на этот раз не прикрывал глаза рукой, а, наоборот, внимательно следил за светловолосым парнем. Студенты потихоньку смеялись, и Аля прекрасно понимала, почему: просто оторваться было невозможно!

Ей стало тоскливо и захотелось плакать. Такими невыразительными показались собственные интонации, когда она вспомнила, как читала про сероглазого короля… Конечно, на нее и смотреть-то было необязательно!

Аля уже успела понять, что слухи распространяются по коридору со скоростью звука. Но пока даже здесь никто ничего не знал; надо было ждать до шести вечера – тогда должны были объявить результаты первого тура.

Аля взглянула на часы: было двенадцать, она прошла в числе первых. Шесть часов! Да она с ума сойдет за это время в одиночестве… Может, вообще не уходить отсюда? Все-таки люди кругом, хотя все нервничают и это не добавляет уверенности…

– Не переживай, мать! – хлопнул ее по плечу один из парней с гитарами – кажется, он представился Федором, но Аля забыла его имя в ту же минуту, как услышала. – Читала ты роскошно! Пошли лучше пока прогуляемся – разгрузимся от стресса!..

Нетрудно было догадаться, как он предполагает разгрузиться: наверняка принять сто грамм в ближайшем кафе. И, может быть, это было бы даже кстати: действительно, нервы… Но Аля вдруг почувствовала, что не хочет сейчас ни с кем разговаривать, не хочет гадать о результатах первого тура – да просто ничего не хочет!

Странная апатия охватила ее… Махнув рукой, она медленно пошла по коридору.

Все было совсем не так, как она ожидала. Пожалуй, Аля меньше переживала бы, если бы наверняка узнала, что провалилась – ну, может быть, поплакала бы. А так… Кажется, она не провалилась, но и внимания к себе наверняка не привлекла. Все было так буднично, так обыкновенно… Аля снова подумала, что она – самая невыразительная в этой гудящей толпе.

Она повернула за угол коридора и взобралась на подоконник, размышляя, как скоротать время до шести часов. А скорее всего не размышляя ни о чем…

– Ну, девушка, как дела? – услышала Аля негромкий голос и вздрогнула от неожиданности: задумавшись, она не заметила, как кто-то подошел к ней совсем близко. – Уже отмучились?

В двух шагах от нее стоял молодой человек и смотрел на Алю внимательно, с едва уловимой иронией.

Она так привыкла за эти несколько дней к постоянному мельканию лиц, что взглянула на молодого человека без малейшего интереса. Пожалуй, даже с тоской взглянула. Все лица, которые Але пришлось увидеть в бурлящих гитисовских коридорах, казались ей настолько выразительными и запоминались

так прочно, что у нее уже голова болела от такой перегрузки памяти.

И поэтому ей совсем не хотелось разговаривать с неожиданно возникшим собеседником. Да и о чем разговаривать? Услышать еще одно соображение о том, как надо держаться, что надо и что не надо читать, или еще одну гитисовскую легенду?

Аля даже не обратила внимания на то, что он выглядит, пожалуй, постарше, чем остальные абитуриенты.

– Отчего же вы впали в отчаяние? – вдруг спросил он.

– С чего вы взяли, что я впала в отчаяние? – вяло удивилась Аля. – Я еще даже не знаю ничего, только в шесть часов скажут.

– А вы так сидите на этом подоконнике, – объяснил молодой человек. – Просто скульптура Микеланджело, ей-богу! Поза полного отчаяния…

Эти слова заставили Алю взглянуть на него с интересом. И, едва она это сделала, как тут же поняла, что ее неожиданный собеседник, конечно, интереса вполне заслуживает. Он явно отличался от всех, кого Аля успела увидеть за последние дни, и отличался не только возрастом.

Он даже одет был как-то иначе – хотя совершенно ничего особенного не было в его темно-синих джинсах и свободной черной рубашке. Разве что часы были необычные, они и бросились Але в глаза, едва она взглянула на него повнимательнее. Корпус у часов был прозрачный, и через него были видны все винтики и болтики.

Переведя взгляд с часов на лицо молодого человека, она поняла, что где-то видела его.

На вид ему было лет тридцать пять, хотя выглядел он моложе. Это Але самой показалось странным: как же она поняла, что ему тридцать пять, когда он выглядит моложе? – но это было именно так. У него было спокойное, чуть удлиненное лицо, обрамленное небольшой бородой – именно бородой, а не трехдневной щетиной, которая, хоть и считалась модной, не вызывала у Али

ничего, кроме брезгливости.

Из-за бороды и усов невозможно было понять, волевой или безвольный у него подбородок. Но губы точно были волевые: плотно сжатые и вместе с тем едва заметно, но необыкновенно привлекательно изогнутые.

И глаза были под стать всему лицу – спокойные, с каким-то особенным, неуловимым и очень располагающим выражением. И они были совершенно необыкновенного цвета, его глаза! Прозрачно-желтые, как смола, застывшая на яблоне, вот какие. Аля вспомнила вдруг: такая смола выступала на яблоневых стволах в дачном поселке, они с девчонками собирали прозрачно-желтые капли и делали самые настоящие диадемы для своих театральных принцесс…

Но где же она могла его видеть?

– Послушайте, – вдруг предложил он, – в шесть часов будет результат, вы говорите? Тогда, может, выйдем пока отсюда? Или вы собираетесь так все время и просидеть на этом подоконнике?

– Нет, – покачала головой Аля. – Не собираюсь.

Она спрыгнула на пол и тут же удивилась про себя: ведь еще пять минут назад никуда не собиралась идти и никого не хотела видеть, даже от общества парня с гитарой отказалась!

Но думать об этом было некогда, потому что ее собеседник уже сделал полшага в сторону, пропуская Алю перед собою.

– Извините, не представился, – вспомнил он. – Меня зовут Илья.

И его манера держаться, и тон, и даже одежда вступали в резкий контраст со всем тем, что Аля до сих пор видела в ГИТИСе – с расхлябанностью, с преувеличенностью жестов, с матом, употребляемым вместо междометий. Может быть, поэтому она вот так, сразу, пошла рядом с этим Ильей по коридору к выходу.

– А меня – Аля, – представилась она.

– Аля – это Алевтина? – поинтересовался Илья. – Или Альбертина?

– Это Александра.

– Тогда хорошо, – кивнул Илья. – А то уже голова кругом идет от необыкновенных имен. Вы заметили, половину абитуриентов зовут как-нибудь этак… Театрально! Все-таки, наверное, есть крупица истины в том, что имя влияет на судьбу. Вот наделили родители свое чадо вычурным именем – и пожалуйста, оно растет с мечтой об артистической карьере.

Але понравилось его наблюдение. Вообще, ей все больше нравился этот Илья, так бесшумно возникший у подоконника и сказавший, что она похожа на скульптуру Микеланджело.

Глава 5

– Куда же мы пойдем? – спросил Илья, когда они вышли на залитую солнцем улицу и медленно направились к зданию ТАСС на углу Тверского бульвара.

– А мне все равно, – пожала плечами Аля. – Мне все равно никуда не хочется…

Забытый на несколько минут первый тур вдруг вспомнился снова – и ей тут же стало тоскливо. Илья бросил на нее быстрый взгляд.

– Что, опять задумались о своей мнимой неудаче? – спросил он.

– Почему мнимой? По-моему, очень даже вероятной, – вздохнула Аля.

Вздох получился какой-то жалобный, похожий на всхлип, хотя она совсем этого не хотела. Она вообще казалась себе сегодня маленькой, беспомощной и растерянной – и ничего не могла поделать с этим чувством, пришедшим так некстати.

– Мнимой, мнимой. – Кажется, Илья улыбнулся, но улыбка спряталась в усах. – На первом туре вообще не бывает неудач, разве вы не знаете?

– Как это – не бывает? – Аля так удивилась, что даже голос у нее окреп. – Да ведь все говорят, что многих после первого тура отправляют!

– Кто это – все? – пожал плечами Илья. – Бывалые девочки, которые в сто первый раз поступают с одним и тем же репертуаром? Или шустрые старшекурсники, которые вертятся везде и всюду?

– Ну… В общем, да! – согласилась Аля. – Говорят, в прошлом году многих после первого тура выгнали.

Аля думала, что Илья сейчас объяснит, что значат его слова и почему он так уверен, что на первом туре неудач не бывает. Но он, наоборот, замолчал, неторопливо шагая рядом с нею по Тверскому бульвару, на который они незаметно свернули у Никитских ворот.

Она хотела спросить, куда они идут, но почему-то не спросила. Ей показалось вдруг, что его не надо ни о чем спрашивать – он все сделает сам…

Они прошли мимо дома Ермоловой, мимо огромного здания банка за забором и, не доходя до Театра Пушкина, свернули налево в узкий переулок.

– Знаешь, что здесь было? – спросил Илья.

Аля заметила, что он не показал пальцем и даже не взглянул на то здание, о котором спрашивал ее. Но она сразу догадалась, о чем он спрашивает.

– Знаю, – кивнула она. – Камерный театр.

Илья взглянул на нее с интересом и снова улыбнулся – как показалось Але, удовлетворенно улыбнулся. Впрочем, может быть, ей это именно что показалось. Очень уж ловко скрывались улыбки в его темно-русых усах.

– Слушай, – спросила она с неожиданным для себя самой интересом, – а правду говорят, что Алиса Коонен прокляла эту сцену, когда уходила отсюда?

– Не знаю, – пожал плечами Илья. – Я тоже что-то такое слышал. Может, и правда. Хотя, кажется, нет… Ну да, точно, мой отец говорил, что быть этого не может, – вспомнил он.

– Почему? – не отставала Аля. – Почему этого не может быть?

Ей хотелось спросить, кто его отец и откуда он знает такие вещи, но было неловко, и она не стала об этом спрашивать. Зато она вдруг поняла, что они с Ильей как-то незаметно и совершенно естественно перешли на «ты».

– А он говорил, что это были совсем другие люди – не из тех, которые проклинают… Он знаком был с Коонен. Говорил, что у нее была такая серьезность внутреннего жеста, которая никому теперь и не приснится.

Аля слушала, не отводя глаз от Ильи. Рядом с нею шел человек, отец которого был знаком с Алисой Коонен! Это было все равно как если бы он сказал, что его отец был знаком с Пушкиным…

Мама однажды рассказывала Але, как привела ее, трехлетнюю, к памятнику Пушкину и сказала, что сегодня надо положить сюда цветы, потому что у Пушкина день рождения. А Аля рассмеялась и заявила, что у памятников дней рождения не бывает…

Но прежде чем она успела что-нибудь спросить, Илья сказал:

– Ну вот мы и пришли. Здесь неплохое кафе, можно кофейку выпить с коньячком. По-моему, как раз под твое настроение и подойдет здешняя атмосфера.

Они стояли на Большой Бронной перед обыкновенным многоэтажным домом. В первом этаже размещался гастроном, а рядом с гастрономом – вход в маленькое кафе. Это была обычная «стекляшка», но прозрачные стены были зашторены, так что невозможно было понять, что находится внутри.

Внутри был полумрак, музыка не заглушала голосов. Посетителей сидело много, все они были довольно молоды и почти все курили, прихлебывая кофе из белых чашечек или коньяк из незамысловатых тонких стаканов.

Как ни странно, в них было что-то знакомое, в этих парнях и девушках – в их интонациях, жестах. Аля даже оглянулась удивленно, словно ожидала увидеть знакомые по ГИТИСу лица.

– Здесь Литинститут рядом, – предупреждая ее вопрос, сказал Илья. – Почти что ГИТИС, только шуму меньше.

Аля не совсем поняла, почему обыкновенная кафешка рядом с Литинститутом должна подойти под ее сегодняшнее настроение. Но спрашивать снова не стала, а просто села напротив Ильи за только что освободившийся маленький столик на двоих.

Она думала, что он сейчас пойдет за кофе, и ей даже интересно стало: неужели встанет в длинную очередь к стойке?

Но в очередь Илья не встал. Он быстро окинул ее взглядом и помахал рукой приземистому, крупнолицему парню, который стоял в ней вторым.

– Сержик. – Илья позвал негромко, но его голос был отлично слышен в общем гуле. – Нам два двойных возьми, коньячку по сто и пару пирожных для девушки. Ну и себе что-нибудь там…

С этими словами Илья протянул парню деньги.

Тот, кажется, ничуть не удивился. Он взглянул на Илью, невозмутимо кивнул, подошел, взял деньги, вернулся в очередь и так же невозмутимо принялся разглядывать Алю. Ей стало неловко, и она отвернулась от крупнолицего парня.

– Ну, так что тебя интересовало? – спросил Илья, как будто они с Алей не прерывали беседу. – Почему на первом туре не бывает неудач?

– Да, – вспомнила Аля. – И откуда ты это знаешь – раз все другое говорят?

– Да забудь ты этих «всех»! – поморщился Илья. – Мало ли что говорят профессиональные неудачники! Неудач на первом туре не бывает потому, что все ждут, что скажет мастер. А он придет только на второй тур, так что пока осторожничают. Тем более, у Павла Матвеевича характер крутой – кто хочешь

поостережется, – добавил он. – А у моей мамы вообще знаешь, какая история была, когда она поступала?

Илья улыбнулся – наверное, вспомнив историю. Улыбка у него была еще более располагающая и ободряющая, чем взгляд.

– Какая? – заинтересовалась Аля.

– Да она вообще не прошла первый тур! Пришла назавтра, а ее в списках нет. Ну, конечно, в слезы: девочка приехала из самой Сибири, а тут такое крушение мечты!.. Одним словом, рыдает под лестницей. И что ты думаешь? – Илья сделал эффектную паузу – явно для Али; он стал похож на доброго волшебника. – Подходит к ней какой-то тип – она даже лица его не запомнила! – и говорит: «Ты чего ревешь? Плюнь и иди на второй тур, кто там помнит, прошла ты или нет!»

– И что?

Аля смотрела на Илью так, словно он должен был вот-вот достать из-за пазухи живого голубя или аквариум с рыбками.

– И ничего! Мастер увидел ее, пришел в восторг, пропустил на третий тур, а потом и принял. Конечно, никто уже не поминал, прошла она там что-то перед этим или не прошла.

– А кто твоя мама? – наконец спросила Аля: она просто сгорала от любопытства!

– Анна Германова, – ответил Илья. – Слышала о такой?

Слышала ли она об Анне Германовой! Да во всем бывшем СССР не было, наверное, ни единого человека, который не слышал бы об этой актрисе! Вернее, не видел бы ее на экране. Аля даже не могла сразу вспомнить, какие роли она играла – да просто все знаменитые роли, которым соответствовала ее величественная, холодноватая красота! Знаменитый глубокий, бархатный голос Германовой сам собою зазвучал в Алиных ушах…

И тут она наконец догадалась, как фамилия Ильи и почему ей сразу показалось, что она его где-то видела. Конечно, видела – только не его, а его отца, на

которого Илья был так похож, что даже смешно было сразу не догадаться!

– А тебя, значит, зовут Илья Святых? – спросила она.

– Раскрыла все-таки инкогнито, – снова улыбнулся Илья. – Осталось только спросить, почему разошлись мои родители.

– Ну что ты, – смутилась Аля. – Я вовсе не собиралась… Меня это совершенно не интересует!

Алю действительно не интересовали такие подробности семейной жизни знаменитого актера Ивана Святых. И смутилась она вовсе не потому, что Илья раскрыл какие-нибудь ее тайные намерения. Да она вовсе и не была застенчива. Просто это так необычно было: сидеть за столиком с сыном таких людей…

Несмотря на свое увлечение театром, Аля действительно, как говорила Нелька, «как не в Москве жила». И не только потому, что не ходила в ночные клубы. Пожалуй, для нее имена Святых и Германовой звучали почти так же, как для какой-нибудь наивной провинциалочки. Что с того, что живешь с ними в одном городе? Все равно – как на другой планете…

Словно специально, чтобы развеять Алино смущение, к ним подошел наконец Сержик с кофейными чашками, стаканами с коньяком и пирожными на мокром блюдечке. Все с тем же невозмутимым видом он поставил все это на грязный столик перед Алей и Ильей.

– Спасибо, старичок, – сказал Илья. – Век не забуду. Кстати, идея о клипе, похоже, уже внедряется в мозги нашего банкира, – многозначительно добавил он. – Еще немного – и выложит денежки.

Серж кивнул то ли благодарно, то ли просто приветственно и направился к соседнему столику, где ему держал место очень толстый рыжий парень, развлекавший двух миловидных и явно не богемистых девушек.

Аля была рада, что сам собою прервался разговор о родителях Ильи. Правда, мысли о них не выходили у нее из головы.

«Сколько ему, интересно? – думала Аля. – Лет тридцать пять, наверное… Германовой, значит, давно за пятьдесят, даже если она родила рано. А как выглядит!»

Об отце Ильи она почему-то думала меньше – просто отметила про себя, что при всем их потрясающем сходстве сын выглядит совсем иначе. Илья отличался тем, что Аля за пару дней, проведенных в коридорах ГИТИСа, привыкла называть фактурой. Черты его лица были крупнее, чем у его отца, и все лицо выглядело из-за этого как-то солиднее. Конечно, это досталось ему от матери – как и удивительно красивый голос.

Аля не знала, чем занимается Илья и имеет ли он отношение к театру или кино. Но если имеет – его совершенно невозможно представить в комической роли, которых так много сыграл его отец.

«Внешность не позволяет, – подумала Аля. – И голос, и глаза такие прозрачные…»

– Да что мы все обо мне, – заметил Илья. – Давай о тебе поговорим. Актрисой мечтаешь быть?

– Наверное, – усмехнулась Аля. – А то с чего бы я стала на актерский поступать?

– Мало ли, – пожал плечами Илья. – Думаешь, все, кто туда поступает, будут актерами?

– Не думаю. Но хотят – все, – ответила Аля.

– Ну и дураки! – неожиданно сказал Илья.

Вместо того чтобы начать расспрашивать, почему же дураки, – Аля рассмеялась.

– Я, по-твоему выходит, тоже дура? – спросила она сквозь смех.

– Ну, этого я все-таки не сказал, – ничуть не смутился он. – Ты скорее всего просто слабо представляешь себе, что это за рыбка такая – современная актриса. И с чем ее едят.

– А ее едят? – медленно, глядя прямо в его прозрачные и вместе с тем непроницаемые глаза, спросила Аля.

– Еще как! – усмехнулся Илья. – Все кому не лень. Выходит наивная девочка на взрослую дорогу, жизнь актрисы представляет себе по мемуарам Алисы Коонен… Думаешь, все кругом такие нравственные, чтобы ее не есть?

– Зачем ты мне все это говоришь? – тихо сказала Аля. – Я и так сегодня…

– А вот затем и говорю, – оборвал ее Илья. – Затем, что ты мне с первого взгляда показалась очень… как бы это точнее сказать… Выразительной, что ли. И я просто справедливости ради хотел бы сразу развеять твои бессмысленные иллюзии.

– Выразительной? – удивилась Аля. – А я думала, наоборот. По сравнению с остальными…

– Вот в этом все и дело! – воскликнул Илья с такой неожиданной горячностью, что Аля посмотрела на него удивленно. – Видишь, даже ты заметила! У тебя совершенно другая выразительность, понимаешь? Ох, ну трудно мне с тобой о таких вещах разговаривать, слишком уж ты свеженькая-неискушенненькая! Но можешь мне поверить, я тебе как профессионал говорю.

У него был такой голос, что не поверить ему было невозможно. Голос выдавал его волнение, хотя глаза оставались прежними.

– У тебя особый тип выразительности, – продолжал Илья. – Очень современный, блистательно современный, я бы сказал. Гламур!

– Что-что? – удивилась Аля. – Что значит – гламур?

– Да все значит. Манеру разговаривать, молчать, двигаться или быть неподвижной… Стильность!

У Али слегка зарделись щеки: ей никогда не приходилось слышать такого изысканного комплимента, да еще от человека, лет на пятнадцать старше.

Впрочем, Илья тут же добавил нечто прямо противоположное только что сказанному:

– Кстати, что это на тебе за платье такое идиотское?

– Почему идиотское? – Аля растерянно посмотрела на свое платье.

А ей-то казалось, что ей идет этот нежный розовый цвет! К светлым волосам идет…

Волосы у Али были особенные, даже Нелька говорила, что не встречала таких ни у одной клиентки. Из-за светлости своей они казались нежными и мягкими, а на самом деле были такими жесткими, что выглядели пышными без укладки и без капли лака.

Аля даже специально приглаживала их иногда: ей казалось, что голова напоминает одуванчик.

Вот к ним и подбиралось розовое платье – легкое, воздушное, с широким поясом и с кружевом у высокого ворота, скрывавшего острые ключицы. Недлинные волосы чуть касались плеч и путались в кружевах…

И не в джинсах же «Наф-Наф» идти на конкурс, не в переливалочках из «Титаника»!

– Конечно, идиотское, – безжалостно повторил Илья. – Надо ничего о себе не знать, чтобы упаковаться в такую конфетную обертку.

Но несмотря на его безжалостный тон, Алина растерянность тут же прошла.

– Что же мне надеть на второй тур? – спросила она, забыв, что полчаса назад сомневалась, предстоит ли он ей вообще.

– Вот это другой разговор! Что-нибудь, что подчеркивало бы фигуру и не стесняло движений. Даже не то что не стесняло, а вот именно оттеняло бы каждое твое движение. Понятно?

Он говорил красиво и ясно. Аля с удовольствием вслушивалась в музыку его интонаций – особенно после нервных, обрывистых слов, которых столько слышала за последние несколько дней.

– Черное? – спросила она.

– Черное – всегда хорошо, – согласился Илья. – Матово-черный цвет… И к глазам твоим пойдет. Только сильно не оголяйся, этого не любят. Джинсы черные надень, блузку какую-нибудь. Смотри не переборщи, все-таки не на похороны, – добавил он и улыбнулся, развеивая излишне серьезное впечатление от своих слов.

Илья допил коньяк, сделал последний глоток кофе. Аля свой коньяк не пила: знала, что от спиртного у нее мгновенно начинает кружиться голова, а ведь предстояло еще вернуться в ГИТИС. Пирожное она надкусила, но есть от волнения не стала.

– А вообще-то, – вдруг сказал Илья, – было бы лучше, если бы ты не тратила время на это поступление.

Сердце у Али замерло и полетело в пропасть. Странный он человек! Только что делал ей комплименты, говорил про «гламур», рассказывал, как поступала в ГИТИС его мать. Даже про розовое платье говорил так по делу. И вдруг…

– Но… почему? – с трудом выдавила она из себя.

– Это долго объяснять, – пожал плечами Илья. – Да и все равно ты не поймешь. Время нужно, чтобы понять. Время и определенный образ жизни.

– Пойдем, а? – сказала Аля, отгоняя закравшийся в сердце страх. – Не очень-то здесь хорошее место для отдыха, у меня совсем голова разболелась. Я лучше по улицам поброжу до шести.

Илья тут же поднялся, отодвинул Алин стул.

Уже выходя, она замешкалась в дверях и, обернувшись, увидела, что Серж подошел к их столику и спокойно допивает ее коньяк, заедая надкусанным

пирожным. Это так поразило Алю, что она едва не споткнулась о порог.

– Что случилось? – встревожился Илья и тоже обернулся, проследив ее взгляд. – А, Сереженька тебя шокирует. Ну, не обращай внимания, это он имидж вырабатывает. Готовится к светлому будущему.

– Голод, что ли, будет в будущем? – с отвращением произнесла Аля.

– Надеюсь, нет, – рассмеялся Илья. – Это он к своему будущему готовится. А ему, чтобы пробиться в вожделенный им шоу-бизнес, надо воспитать в себе небрезгливость и гордо пронести ее через жизнь.

Аля не знала, что на это сказать, и молча вышла на улицу, еще более растерянная и подавленная, чем прежде.

Глава 6

Встреться Аля с Ильей какие-нибудь два месяца назад – конечно, ее потрясла бы эта встреча. После довольно скучной и однообразной жизни, после уроков с глупыми девочками в одинаковых квартирах…

Но всего несколько дней, проведенные в коридорах ГИТИСа, так взбудоражили ее, так сместили ее представления о жизни, что даже встреча с необычным человеком казалась само собой разумеющейся в этом смещенном пространстве.

В тот день, вернувшись в институт к шести, Аля почти не удивилась, когда услышала свое имя в списке прошедших во второй тур, зачитанном Миррой Иосифовной из деканата. То ли Илья так ее успокоил, то ли просто устала нервничать.

Подходящая одежда нашлась у Нельки. Та принимала самое живое участие в Алином поступлении и сразу же решила, что черные брючки-»сигаретки» с металлическими «молниями» на щиколотках – это «то, что доктор прописал».

– Блузочку вот эту оденешь, на бретелечках, – напевала Нелька, вертя в руках серебристо-серый топик. – А на нее еще пиджачок вот этот, черненький. Ма-а-ленький пиджачок-пиджачочек, «болеро» называется… И будешь ты конфетка, мастер твой упадет на месте!

Нелька смотрела, как Аля надевает топик и «болеро», и вид у нее при этом был такой, какой бывает у художника, кладущего последние мазки на холст.

– Как, ты говоришь, зовут этого кадра? – поинтересовалась она. – Ничего, соображает… Тебе действительно черное идет, ты в нем прям как пуля! Только туфельки такие надень, чтоб каблучки стучали.

Аля улыбнулась, услышав Нелькино поэтическое сравнение.

– И почему ты не поступаешь? – сказала она. – Обещала же за компанию.

– Да ну! – махнула рукой Нелька. – Мне и так неплохо. Зачем силы тратить?

Нелькиной уверенности в себе можно было позавидовать. В самом деле, что такого – поступить в ГИТИС! Захотелось бы силы потратить.

Это было так не похоже на Алино смятение… Она не спала всю ночь накануне второго тура, даже хотела принять мамино снотворное, но побоялась, что будет назавтра как сонная муха.

Что-то боролось в ее душе, что-то не давало покоя. Казалось бы, все пока шло удачно и надо было просто идти дальше, надеясь на лучшее. Но смятение не проходило, и Аля ничего не могла поделать с собою.

Едва ли Илья посеял в ее душе смятение. Наоборот, когда она думала об Илье, вспоминала его глаза – ее охватывало такое же ясное ощущение, как от воспоминаний о детстве и каплях смолы на яблоневых стволах.

Наверное, дело было в другом: Аля действительно ничего не знала о том, что это такое – современная актриса… Только теперь она подумала, что папа, пожалуй, был прав: она жила в мире собственных представлений и иллюзий, и едва она вышла из этого мира в мир реальный, он сразу начал ее разочаровывать.

В реальном мире не чувствовалось того внутреннего подъема, который Аля чувствовала в своей душе, когда думала о театре.

В этом мире было много равнодушия, смешанного с какой-то неестественной экзальтацией.

Он был населен странными людьми. Нет, Алю не пугала раскованность человеческого поведения, она ведь и сама привыкла вести себя так, как хотелось. Но та странность, которую она увидела и почувствовала за последние несколько дней, была какая-то мутная и потому пугающая…

«Наверное, все действительно изменилось, – думала она, бессонно глядя на темный силуэт ангелочка, парящего под потолком. – Все теперь по-другому, и актрисы теперь другие… Но как, какие? И хочу ли я быть такой?..»

Рождественского ангелочка подарила Инне Геннадьевне одна из благодарных мамаш. Он висел на тонкой прозрачной леске, приклеенной к потолку в Алиной комнате, и казалось, что он летит на прозрачных крылышках.

Аля уснула только под утро, когда силуэт ангелочка прояснел в первых небесных отсветах.

…Как ни странно, утром она чувствовала себя бодрой – скорее всего из-за не отпускающего душевного напряжения. Народу в институте было по-прежнему полно. Похоже, после первого тура действительно отсеялись не многие.

Але нетрудно было выбрать, что читать на втором туре. Она любила стихи, много знала их наизусть и почти сразу решила, что будет читать отрывок из «Поэмы без героя» Ахматовой. Она не все понимала, о чем рассказывалось в этой поэме, но когда читала накануне вечером, как собираются в Фонтанном Доме странные гости, – ее саму охватывала безмерная тревога: «И я чувствую холод влажный, каменею, стыну, горю…»

Это должно было получиться.

При мысле об очередной басне Але становилось тошно. Надоели лисы, вороны, ослы и козлы с мартышками!

«Авось не понадобится, – решила она про себя. – Им там, наверное, тоже надоело».

В ожидании мастера поступающие нервничали еще больше, чем вчера. Какая-то девушка с выражением отчаяния на лице и со слезами на глазах ходила взад-вперед по коридору и монотонно что-то повторяла, как невыученный урок.

– Затянешься? – предложил знакомый парень, который вчера приглашал Алю вместе снять стресс.

В руке у него была пачка сигарет, а гитара болталась за плечом на лохматой веревке.

– Я не курю, – покачала головой Аля.

– Да ты что, старушка! – удивился он. – Как же ты учиться собираешься? Тут все курят.

Он явно хотел поболтать и, не отставая, шел вслед за Алей по коридору.

– Может, я еще не поступлю. – Аля попыталась отвязаться от непрошеного собеседника.

– А если поступишь? А если курящую играть придется? – упорно не отставал он.

– Если, если!.. – рассердилась она наконец. – Придется – научусь!

Наконец вышла из аудитории Мирра Иосифовна и предложила заходить первой десятке. А мастера все не было, и непонятно было, когда же он появится и что вообще значит его отсутствие. Без него, что ли, будут смотреть?

Вызывали по алфавиту, и Аля, конечно, попала в злополучную первую десятку – по закону подлости! Сердце у нее сразу упало куда-то в живот, даже ахматовские стихи вылетели из головы.

Она сидела в большой тридцать девятой аудитории – в настоящем театральном зале – и думала о том, что любое невезение не может быть случайным…

Прозвучала ее фамилия, она обреченно набрала побольше воздуху и подошла к невысокой сцене. В эту минуту скрипнула дверь.

– Павел Матвеевич! – воскликнул тот самый длиннолицый педагог, который слушал Алю на первом туре. – А мы думали…

Члены комиссии тут же забыли про нее, обрадованные появлением мастера.

Аля тоже не сводила с него глаз, но от волнения у нее в глазах стоял туман и она никак не могла рассмотреть его получше. Она заметила только, что Павел Матвеевич Карталов выглядит немолодо и что походка у него неторопливая, потому что он слегка прихрамывает. Он сел среди других педагогов и сказал:

– Пожалуйста, начинайте.

Аля даже не сразу поняла, что эти слова относятся к ней. Потом она выдохнула набранный воздух и, забыв сказать, откуда отрывок, на выдохе произнесла:

– «Веселиться – так веселиться! Только как же могло случиться, что одна я из них жива?»

Она читала, представляя звуки шагов, которых нету, и существ странного нрава, и маскарадную болтовню… В зале было тихо, но ничего нельзя было понять по этой тишине: точно так же тихо было, когда читал предыдущий парень.

Отрывок был длинный и довольно сложный, но Але нетрудно было его читать. Она видела новогодний бал в Фонтанном Доме так ясно, что легко перевоплощалась в каждого из его участников, хотя ни один из них не произносил ни слова.

Она даже не сразу услышала слова Карталова:

– Достаточно, спасибо. Хватит, хватит! – повторил он погромче, и Аля замолчала на полуслове.

Как и в прошлый раз! Что же это значит, почему ее всегда останавливают, не дослушав?!

По лицу мастера ничего невозможно было понять: оно казалось совершенно невозмутимым, глаза поблескивали под густыми бровями непонятным блеском.

– Поднимитесь на сцену, – сказал он. – Вы полностью читали «Поэму без героя» или только отрывок готовили?

– Полностью, – кивнула Аля.

– Тогда покажите мне, как входит Козлоногая, – сказал Карталов. – Только ничего не говорите, ни слова. Просто покажите, чтобы я понял, о ком речь.

Аля стояла посреди сцены и лихорадочно вспоминала, что там сказано о Козлоногой. Как она входит – кто ж ее знает! Разве вспомнишь за несколько минут…

И вдруг, в то самое мгновение, когда она решила, что забыла этот эпизод начисто, и собиралась показать что в голову взбредет, – она вспомнила! «Как копытца, топочут сапожки, как бубенчик, звенят сережки, в бледных локонах злые рожки, окаянной пляской полна…»

Конечно, это можно показать – каждое слово, и даже звон сережек! И туфельки она надела со стучащими каблучками…

– Спасибо, – кивнул Карталов, когда Аля остановилась на самом краю сцены, едва с нее не свалившись в «окаянной пляске». – Вы занимались в театральной студии?

– Нет, – покачала головой Аля. – Только бальными танцами.

– Больше вопросов нет, – произнес он все тем же спокойным и, как показалось Але, безразличным тоном. – Подождите в коридоре.

– А басню? – спросила она упавшим голосом. – А прозу?

– Не надо, не надо. – Карталов впервые улыбнулся, и глаза его молодо сверкнули в глубоких впадинах под бровями. – На пианино играете?

– Нет…

Как она проклинала себя за то, что в первом классе наотрез отказалась заниматься музыкой! Сейчас ей показалось, что именно это неумение решит ее судьбу…

С этой мыслью она и вышла из аудитории. Уже закрывая за собою дверь, Аля услышала, как звучит в тишине красивый, глубокий бас Левы Наймана, которого она запомнила еще на первом туре:

– «Я пил из этого фонтана в ущелье Рима»…

«Прошла, прошла!» – звенело в голове, когда Аля выбежала на залитую июньским солнцем улицу.

Она не могла ни единой лишней минуты оставаться в четырех стенах, ей хотелось на воздух и простор – хотя среди дня на Большой Никитской улице было не так уж просторно, а воздух был синим от выхлопов множества машин.

Но это было неважно! Вся Москва, каждая ее улочка, ликовала и радовалась вместе с нею!

Аля не знала, кому хочет рассказать о своей удаче, о переполняющем душу счастье. Она уже позвонила маме из институтского автомата, но это было совсем не то: все-таки мама втайне надеялась, что Аля не поступит. Позвонила и Нельке в парикмахерскую, но та как раз ушла обедать.

И стояла теперь на перекрестке у Никитских ворот, не зная, что делать со своим счастьем.

– Ну, за тобой не угнаться! – услышала она вдруг и обрадованно обернулась на знакомый спокойный голос.

– Ой, Илья! – воскликнула Аля. – Откуда ты взялся?

– Да я от самого ГИТИСа за тобой иду. – Илья смотрел на нее и улыбался. – Вижу, вижу, прошла. Поздравляю!

– Да ведь еще не с чем, – попыталась возразить Аля.

Но она не могла сдержать улыбку, плясавшую на ее губах, как солнечный зайчик.

– Куда пойдем? – спросил Илья. – Надо же отметить событие.

Аля удивилась про себя: выходит, он специально пришел, чтобы отметить с нею это событие? Но вслух она удивляться не стала, а только плечами пожала.

– Не знаю… Может быть, туда же, в «стекляшку» возле Литинститута?

– Ну нет, – улыбнулся Илья. – Не знаю, чем тебе так уж понравилось это заведение. Я, правду сказать, из озорства тебя туда повел. Так-то я давно уже не посещаю такие места… Еще скажи – в столовую! Если хочешь, – предложил он, – можем тут посидеть, неподалеку.

– Хорошо, – кивнула Аля.

Они пошли по Малой Никитской, свернули в какой-то переулок и почти сразу оказались перед дверью ресторана под названием «Экипаж».

– Здесь пристойно, – сказал Илья. – Во всяком случае, днем. Люди приходят просто пообедать, пообщаться, а не создавать себе имидж.

– Объедки не собирают с тарелок? – Аля улыбнулась, вспомнив Сержика.

Илья сразу понял, что вызвало ее улыбку.

– Не приходилось видеть, – улыбнулся он в ответ. – А насчет Сержа ты, между прочим, напрасно иронизируешь. Он действует совершенно правильно, и он своего добьется. А знаешь почему?

– Почему? – заинтересовалась Аля.

– За столом расскажу, – ответил Илья. – Не волнуйся, никаких неаппетитных подробностей.

Небольшой зал ресторана «Экипаж» напоминал кубрик на корабле, но стилизация не была слишком подчеркнутой. Вероятно, хозяева считали, что у посетителей должно создаваться ощущение не столько экзотики, сколько изысканности. Людей тоже было немного: две небольшие компании за столиками. При первом же взгляде в меню Аля поняла, почему: цены были не для слабонервных.

Но, похоже, Илья к таковым и не относился. Едва взглянув в меню, он ожидающе посмотрел на Алю.

«Интересно, чего он ожидает? – подумала она. – Что я раскручу его на всю катушку или что робко предложу выбрать самому?»

От волнения ей совершенно не хотелось ни есть, ни пить. И даже то, что она так неожиданно впервые в жизни оказалась в дорогущем ресторане, совершенно не удивило ее. Аля вообще так странно воспринимала сегодня все, что с нею происходило… Тоже, наверное, от волнения – как само собой разумеющееся.

– Ну, что ты меня изучаешь? – усмехнулся Илья. – Ты меню изучай, а не мою реакцию.

Он читал по ее лицу, как по открытой книге! Аля даже смутилась, услышав его насмешливые слова.

Она заказала салат из авокадо и горячую осетрину, а Илья – обычное жареное мясо.

– И два фруктовых салата на десерт, – подытожил он. – И хорошего шампанского для дебютантки. У тебя ведь сегодня был удачный дебют, я слышал.

– От кого слышал? – удивилась Аля.

– Слухами земля полнится, а уж ГИТИС тем более. Вот и выпьем за твой успех. Хотя я по-прежнему уверен, что лучше бы тебе добиваться успеха в другом…

– В чем? – быстро спросила Аля.

– Да, про Сержика! – не отвечая на ее вопрос, вспомнил Илья.

И Аля тут же поняла, что ей действительно уже интереснее послушать про Сержика, чем про себя. Просто удивительно! Или это Илья умел говорить о совершенно посторонних вещах так, что они переставали восприниматься как посторонние при звуках его голоса?

– Так почему же он своего добьется? – спросила она.

– Потому что знает, что такое соответствовать своему предназначению. Что, слишком просто? – сказал Илья, заметив легкую тень, мелькнувшую по Алиному лицу. – Говорить-то просто, а вот жить… Думаешь, многие умеют жить так, как им от роду предназначено?

– Нет, я не думаю… – медленно произнесла Аля. – Наоборот… Но как же это понять? По руке гадать, что ли?

– В этом все дело, – кивнул Илья. – Кто понял, тот и выиграл жизнь. А кто себя переоценил или недооценил – заметь, это все равно! – тот сидит в дерьме. Причем это ведь в каждой мелочи так, – добавил он. – Вот ты, например, оделась сегодня так, как тебе надо одеваться, – и тут же выиграла. Разве нет?

– Наверное, так… – удивленно протянула Аля. – Да точно – так! – Она даже рассмеялась точности его слов. – Может, не только из-за одежды, но все-таки я сразу почувствовала себя сегодня как-то… Совсем иначе, чем вчера!

– Вот видишь. – Илья удовлетворенно усмехнулся в усы. – То же самое и Сержик. Я ведь с ним давно познакомился, еще на излете моей бурной молодости, он тогда был обыкновенным литинститутским отличником. Ну, поэт – мало ли поэтов! А он догадался… Не стал ни искать в себе примет гениальности, ни сомневаться в ней. А спокойно оценил уровень своего таланта и точно поставил диагноз: шоу-бизнес. По закону Паркинсона вычислил предел своей некомпетентности. А ведь могли амбиции помешать, стал бы Пушкина в себе культивировать или хотя бы Заболоцкого. Тем более и образование у него неплохое по сравнению с другими творческими бездельниками.

Аля слушала так внимательно, что даже про авокадо забыла.

– Осетрину несут, – вдруг остановил себя Илья. – Глотай-ка ты, моя милая, лучше осетрину, чем всякую заумь!

«Моя милая» он сказал, конечно, просто так, мимоходом. Но сердце у Али дрогнуло при этих словах… Она поспешила спросить:

– И ты думаешь, что я не понимаю своего предназначения?

– Уверен, – кивнул Илья, накалывая на вилку упругий салатный лист. – Я только вот не понимаю, почему меня-то это так волнует?..

Он поднял на нее глаза, и Аля почувствовала, что сердцебиение, которое она хотела унять, стало еще сильнее.

– Давай еще раз за тебя выпьем. – Он поднял бокал, и мгновенно возникший официант налил шампанское ему и Але. – За то, чтобы ты поняла и чтобы не было поздно…

Выпив, Илья достал золотой портсигар и вынул из него длинную сигару. Аля смотрела, как он неторопливо обрезает сигару маленьким ножичком с серебристым крестом на красной рукоятке, как раскуривает ее, как синий ароматный дым окутывает его лицо.

– Я не понимаю… – сказала она. – Ты так говоришь, ты не объясняешь, как будто я и сама все понимаю… Но что это значит – мое предназначение? Ведь я

стараюсь… Почему же ты думаешь, что я его не чувствую?

– Я же тебе говорил, – пожал плечами Илья. – Взгляд профессионала, вот и все. К тому же я вырос в театрально-киношной среде, я видел, чем была эта профессия раньше и чем стала теперь. Какая там Алиса Коонен или даже Анна Германова! Но что толку объяснять, все равно этому на слово не поверишь, пока сам не убедишься.

– А чем ты занимаешься? – спросила Аля.

Ей давно хотелось об этом спросить, но к слову не приходилось.

– Многим, – усмехнулся Илья. – Знаешь, я иногда сам не могу для себя определить, чем же я занимаюсь. То есть – что объединяет мои разнообразные занятия? Наверное, только то, что все они находятся на острие жизни… Я занимаюсь тем, что бьет в самую точку, понимаешь? Ну, может быть, сегодня бьет, может, не на вечность все это рассчитано. Но ведь и я живу сегодня, правда? Почему же я должен думать о каком-то мифическом будущем? Вот придет оно – посмотрим, чего оно от нас потребует. Надеюсь, что не ошибусь: навык есть не ошибаться.

– А все-таки? – переспросила Аля. – Извини, но я не очень поняла. Что это значит – «бьет в самую точку»?

– Ты настойчивая девушка, Алечка. – Илья улыбнулся, и глаза его прозрачно сверкнули сквозь завесу дыма. – И ты не любишь абстрактных рассуждений, правда? И это правильно! И поэтому, кстати, мне кажется, что ты как раз такая – на острие жизни… Ну, я и более конкретные вещи в тебе вижу. У тебя, например, топ-внешность. И пластика, голос – хотя он менее всего выявлен… Я ведь, среди прочего, клипы снимаю, так что представляю, что это такое.

– Клипы – это и есть острие жизни? – удивилась Аля.

– А что ты думаешь? Жизнь меняется, стремительно меняется, все в ней смещается. Система ценностей меняется, и общество очень чутко на это реагирует. Выбирает новые приоритеты! – Он прикоснулся к бокалу, и официант снова налил ему шампанского. – Например, театр, к моему личному большому сожалению, больше не воздействует на массовое сознание с той силой, с какой

воздействовал раньше. Какой же смысл отираться на задворках жизни? Ладно! – вдруг оборвал он свой монолог. – Что-то я старею, наверное. Сижу в ресторане и развлекаю очаровательную девушку совершенно ей неинтересными рассуждениями!

– Нет, почему, – покачала головой Аля. – Мне очень даже интересно. Я ни от кого ничего такого не слышала…

– Надо думать, – усмехнулся Илья. – Но толку от моих бесед все равно не будет. Завтра ты пойдешь на третий тур, скорее всего поступишь в ГИТИС и ровненько отправишься по той дорожке, по которой со слепым восторгом бегут сотни тебе подобных. А когда догадываются, куда она их завела, обычно бывает уже поздно.

Он продолжал говорить загадками, от которых Але делалось не по себе. Но, несмотря на это, ее неодолимо тянуло к нему, и чем дольше она его видела, тем больше привлекал глубокий его голос, прозрачный блеск глаз. Ей хорошо было сидеть с ним за столиком, смотреть на него, слушать его полупонятные слова…

– Еще раз поздравляю, милая Алечка, – сказал Илья, кладя в пепельницу недокуренную сигару. – Завтра я, наверное, не смогу прийти в ГИТИС и поинтересоваться твоими успехами. Ты мне позвони, ладно? Как-то ты мне стала небезразлична за эти пару дней, я прям даже сам удивляюсь!..

Он протянул Але визитную карточку, и она машинально положила ее в карман пиджачка-»болеро». Илья заглянул в счет, положил на стол деньги, кивнул в ответ на «спасибо», сказанное официантом, и пропустил Алю перед собою к выходу.

Глава 7

После успеха во втором туре Але почему-то показалось, что теперь все пойдет как по маслу. Да еще Илья говорил об этом так уверенно…

И она была совершенно потрясена, когда оказалось, что к третьему туру она не готова! Вчера-то вылетела из института как на крыльях, едва услышав свою фамилию в списке прошедших, и даже не удосужилась узнать толком, как будет проходить третий тур. А надо было, оказывается, найти себе пару и подготовить на двоих этюд по какой-нибудь пьесе…

И вот Аля стояла в знакомом холле перед тридцать девятой аудиторией и потерянно смотрела, как парочки повторяют свои этюды и горячо спорят, кому где стоять и кому как ходить.

Случись что-нибудь подобное три дня назад, Аля наверняка повернулась бы и ушла: настолько неуверенно она тогда себя чувствовала. Но вчерашний день все изменил…

Да, она была растеряна, потеряна, она не знала, что делать, – но сдаваться уже не хотела.

У нее не было ни пары, ни, главное, выученного на двоих отрывка. Единственное, что было: то состояние лихорадочного напряжения, которое не позволяет расслабиться и заставляет до последней секунды искать выход.

Едва не падая на гладком как каток полу, Аля сбежала вниз к телефонному автомату.

«Он сказал, что прийти сегодня не сможет, – вертелось у нее в голове. – Значит, наверное, работает. Телефон на визитке рабочий. Только бы был на месте!»

Но с каждой цифрой телефонного номера решимость выходила из Али, как воздух из лопнувшего шарика. А незамысловатая мелодия, звучавшая в трубке, пока секретарша переключала разговор на Илью Ивановича, уже показалась ей похоронным маршем.

И она едва не заплакала, услышав его голос – как всегда, спокойный и уверенный.

– Илья, так получилось, я ничего не подготовила на сегодня, – сбивчиво проговорила Аля. – Понимаешь, я просто не узнала вчера… Надо было этюд на

двоих, а я не знала… Через полчаса начнется, и все пропало… Что же мне делать, Илья?!

В последнем вскрике все-таки прорезались слезы.

– Успокойся, Алечка, – услышала она. – Что значит «все пропало»? У тебя память как, в порядке? В смысле запоминаешь быстро?

– Да, – всхлипнула Аля. – Но я не знаю, что запоминать… И с кем же я буду играть?

– Что – я сейчас подумаю, – сказал он. – По дороге. И заскочу домой за книгой, это рядом. А партнера найдем на месте, невелика проблема! Ты пока договорись, чтобы пойти в конце, и жди меня.

Аля стояла, сжимая в руке гудящую телефонную трубку, и неизвестно зачем вчитывалась в имя Ильи на визитке.

– Девушка, вы кончили? – Полная дама потрясла ее за плечо; на щеках у дамы пламенели красные пятна – наверное, волновалась за поступающее чадо. – Дайте же возможность позвонить! Нельзя же только свои проблемы принимать во внимание!

Илья появился ровно через полчаса. Аля смотрела сверху, как он поднимается по лестнице – неторопливо и стремительно одновременно.

– Так, – сказал он, увидев Алю, – ты «Закат» Бабеля читала?

– Нет… – покачала головой она. – Может, что-нибудь другое?..

– Другое – некогда, – отрезал Илья. – Не читала – ничего страшного, потом почитаешь когда-нибудь. Там есть один чудесный эпизод, как раз для тебя, лучше некуда. Главное, партнер молчит. Можно бы вообще стул вместо него поставить, да это, кажется, не положено, – усмехнулся он. – У тебя тут случайно вступительный роман не завязался еще? Сможешь быстро найти какого-нибудь охламона, способного десять минут помолчать?

Пропустив мимо ушей слова о вступительном романе, Аля кивнула.

Партнер нашелся мгновенно – тот самый парень с гитарой; как выяснилось, его звали не Федор, а Родион. Он уже отыграл свой этюд, но, конечно, согласился выручить Алю.

– Вот что, Родя, – сказал Илья, – твоя задача проста как правда: будешь сидеть на стуле, молчать и ее любить. Понял?

– Понял, – хмыкнул Родион. – Прямо на стуле буду любить?

– Прямо на стуле будешь молчать. А ты, – он повернулся к Але, – будешь перед ним раздеваться.

– Как – раздеваться? – растерялась Аля. – Вот так просто молчать и раздеваться?

– Нет, будешь кое-что говорить, – улыбнулся Илья. – Будешь говорить то, что здесь написано. Но это неважно, понимаешь? Важно то, что не говорится. Ну, может быть, кое-что написано в ремарках…

Присев на корточки у стены холла, Аля вчитывалась в ремарки. «Голосом, полным силы, звона и веселья… Голой девической прекрасной рукой…» От волнения каждое слово запоминалось мгновенно, словно впечатывалось в память.

Илья присел рядом с нею и искоса поглядывал на ее лицо.

– Поняла, – наконец удовлетворенно произнес он. – Вижу, поняла, в чем дело. Ну вот и играй любовь. В чистом виде – когда уже неважно, что это за девушка и что она говорит.

– Но я… У меня никогда этого не было, ты понимаешь? – тихо произнесла Аля, в упор глядя на Илью.

Он поднял глаза и посмотрел на нее так же прямо и внимательно.

– Это неважно, – негромко ответил он. – Сейчас это неважно. Ты должна сыграть, и ты сможешь это сделать, потому что в тебе есть все, что для этого надо.

– Хорошо, – кивнула Аля, отводя глаза. – Я попробую.

Девушка Маруся, которую ей предстояло сыграть, действительно говорила в пьесе не много, и все какие-то глупости. При этом, согласно бабелевским ремаркам, она ходила по комнате, задергивала занавеску и снимала с себя то туфли, то юбку.

На третий тур Аля из суеверия надела то, в чем ей повезло на втором. Она взглянула на свои «сигаретки» с «молниями», на короткий пиджачок…

– Правильно, – перехватил ее взгляд Илья. – Этого мало. Мало на тебе надето, не хватит на целую сцену! Погоди-ка…

Он мгновенно расстегнул свою элегантную летнюю куртку из тонкой светло-серой ткани и стащил с себя черную майку с крошечным серым треугольником у ворота. Аля смотрела на его белые широкие плечи, на грудь, поросшую густыми волосами.

Илья надел куртку на голое тело, застегнулся и протянул Але свою майку.

– Надень-ка, – сказал он совершенно невозмутимо. – Под пиджачок надень, прямо на свой топик. А снимать ее будешь медленно, и снимешь как раз вот на этой реплике – вот здесь, видишь, где написано, что Маруся перекрыта с головой наполовину стянутым платьем. Напугаешь немножко комиссию, – усмехнулся он. – Пусть поволнуются, что ты перед ними сейчас совсем растелешишься. Очень будет эффектно!

– Спасибо, Илья… – сказала Аля. – Не представляю, что бы я делала, если бы не ты…

– Может, все было бы и к лучшему. – Илья посмотрел на нее внимательным, долгим взглядом. – Я просто сам себе удивляюсь: убеждаю тебя в одном, а помогаю – в прямо противоположном… Ладно, милая! – он тряхнул головой, словно отгоняя ненужные мысли. – Успеха тебе. А мне пора, а то ты меня прямо

из студии выдернула, ребята ждут. Увидимся!

Илья помахал Але рукой, уже сбегая по лестнице. Она смотрела ему вслед, держа в руке его майку. От тонкой ткани, еще хранившей уверенное тепло его тела, исходил едва уловимый, нежный и холодноватый запах.

– Он тебе кто? – нарушил молчание Родион.

– Он? – Аля вздрогнула. – Да никто… Знакомый.

– Крутой мэн, – подытожил Родя. – Ладно, старушка, давай хоть прорепетируем разок. Так я не понял, мне чего – только молчать, как барану, да глазами тебя поедать, пока ты раздеваться будешь?

С Ильей она увиделась только через три дня.

Конечно, Аля позвонила ему, едва лишь объявили результаты третьего тура. Но это была суббота, и телефон в офисе молчал. А так хотелось рассказать ему, как удачно, в самую точку, он подобрал ей этюд!

Экзамен по пластике, состоявшийся после третьего тура, показался Але просто ерундой. Надо было ловить то мячик, то тросточку, которые неожиданно бросал тренер, прохаживающийся вдоль шеренги абитуриентов. Потом включили отрывок из «Фантома оперы» Уэббера и сказали: «Живите под музыку!» Это было увлекательно и тоже не слишком сложно. В общем-то надо было просто танцевать, вкладывая в танец то чувство, которое ясно слышалось в страстных звуках знакомой мелодии.

Аля даже успевала краем глаза наблюдать, какие невероятные движения выделывает Гарик Тосунян: что-то похожее на брэйк, но действительно наполненное жизнью, какими-то стремительными переживаниями…

Оставался последний тур – «конкурс», как все его почему-то называли.

Мама была удивлена, узнав, что даже вступительное сочинение писать не надо, ни единого общеобразовательного экзамена не надо сдавать.

– Странно, – пожала она плечами. – Выходит, актер может быть безграмотен? И режиссер тоже?

– Ну почему обязательно безграмотен? – возразила Аля. – Но ведь жалко, если талантливый человек не попадет только потому, что неправильно расставляет запятые.

– Талантливый человек должен правильно расставлять запятые, – не согласилась мама. – И потом, откуда такая уверенность, что все, которые поступят, талантливые?

Этот разговор происходил за чаем; Девятаевы всегда собирались вместе по вечерам. Только что закончились по телевизору «Новости». Папа еще не занялся своими чертежами, которые он брал на дом «в порядке халтуры». Мама еще не взялась за мелкие домашние дела, которые, по ее мнению, невозможно было отложить до завтра.

Они сидели за овальным столом на кухне, под низко висящим абажуром из золотистой соломки, и неяркая лампа освещала их лица ясным, спокойным светом.

На мамином лице читалось недовольство. Даже ее большие круглые очки поблескивали сердито, и огромные, как у Али, глаза казались за ними еще больше.

– Как меня все это пугает! – сказала она. – Ну хорошо, поступишь ты. Дальше что?

– Дальше? – пожала плечами Аля. – Наверное, буду учиться.

– Учиться! Как будто это математика или медицина, которым можно научиться! – воскликнула мама. – А если через полгода выяснится, что никакого таланта у тебя в помине нет? И хорошо еще, если через полгода… Своими руками создавать собственное несчастье! Нет, мне этого не понять.

Она придвинула к себе вазочку с яблочным вареньем, хотя ее розетка и так уже была полна.

– Тебе Макс твой звонил, – примирительным тоном сказал отец. – Интересовался успехами.

Андрей Михайлович всегда произносил какие-нибудь посторонние, не относящиеся к делу фразы, чтобы разрядить обстановку. В отличие от жены, он в глубине души уже, похоже, смирился с тем, что Алька выбрала для себя такую рискованно несвоевременную профессию. И даже гордился ею потихоньку. Все-таки ведь профессионалы отбирают в ГИТИС, не могут же они совсем уж ошибаться в таланте его единственной дочери…

– Да? – безразлично спросила Аля. – Ну и что?

Максим сдал сессию досрочно и уехал в стройотряд куда-то в Кемеровскую область. Аля думала, всех этих пережитков социализма, вроде стройотрядов, давно уже не существует. Впрочем, ей это было безразлично; о Максиме она не вспомнила за последнее время ни разу.

Она не думала и о том, о чем говорила мама – что у нее может не оказаться таланта. Аля и сама не понимала, что же так неясно тревожит ее в этот ясный семейный вечер…

Папа, как обычно, пил чай из стакана в серебряном подстаканнике. Глядя, как переливаются на скатерти золотые чайные блики, Аля вспоминала глаза Ильи.

«На древесную смолу похожи, – думала она. – Или на камень какой-то восточный. Или на чай в стакане. «Эти глаза, напротив, чайного цвета»… Такая, кажется, была песенка? «Только не отведи глаз…»

Душа ее была взбудоражена, и Аля боялась признаться себе в том, что причина ее волнений – не поступление в ГИТИС и даже не ее артистическое будущее.

Она думала об Илье, и ей казалось, что минуты и часы растягиваются, удлиняются, становятся невыносимо долгими. Целая ночь впереди, и эти мысли о нем, и невозможность его увидеть или хотя бы услышать в телефонной трубке его спокойный, глубокий голос…

Даже о решающем конкурсе она почти не думала, как будто он должен был пройти сам собою. Все должно было произойти само собою, потому что все было неважно, кроме его чудесных глаз, и спокойного голоса, и походки, стремительной и неторопливой одновременно.

И вот они стояли в аккуратном дворике ГИТИСа и смотрели друг на друга. Все вылетело у Али из головы: ее неизменное кокетство, ее потребность выдумывать для себя какой-то особенный, в реальности не существующий мир…

Даже о только что закончившемся пластическом экзамене она позабыла в ту минуту, когда вышла из института и увидела Илью, сидящего во дворе на скамеечке. Он не сразу заметил ее, и Аля несколько минут стояла, прижавшись к стене, и смотрела на него, не отводя глаз.

Илья всегда одевался неброско, но изысканно; даже не слишком искушенная в мужской одежде Аля это замечала. В этот день ставшая уже привычной жара сменилась вдруг прохладой, и на нем был бежевый пиджак, удивительно шедший к его темно-русым, чуть вьющимся волосам. Брюки были немного светлее пиджака, и в этом тоже чувствовалось непонятное, но очевидное изящество.

Такое же, как в его непринужденной позе. Он о чем-то задумался, скрестив руки на груди, глядя на носки своих туфель, и насвистывал песенку, мелодии которой Аля не могла разобрать на расстоянии.

Вдруг ей стало так жалко, что вот он сидит наконец-то совсем рядом, а она почему-то не подходит к нему, как будто сама продлевает время без него!..

В ту секунду, когда Аля собралась подойти, Илья поднял глаза и увидел ее, прижавшуюся к стене у входной двери.

Он тут же поднялся и сам направился к ней своей неповторимой походкой, которая все время вспоминалась ей в те несколько дней, что они не виделись.

– Алечка! – сказал он – ей показалось, радостно. – Долго ты сегодня, совсем я тебя заждался. Ну, как?

– Кажется, хорошо, – кивнула Аля, не сдерживая улыбки. – Я хотела тебе позвонить… Ты мне так помог тогда, Илья! Если бы не ты…

Она говорила это, а сама смотрела в его прозрачные, как восточный камень, глаза и не знала, существует ли что-нибудь в мире, кроме них. Для нее не существовало в это мгновение ничего.

– Поздно вы сегодня закончили, – повторил Илья, медленно идя рядом с Алей по дорожке к выходу из институтского двора. – Ну, расскажи мне, как все было.

И Аля с удовольствием начала рассказывать. Сначала про предыдущий тур: как она говорила тем самым, Марусиным голосом, полным силы, звона и веселья; как Родион смотрел на нее круглыми глазами и время от времени бормотал что-то невнятное.

– Они, знаешь, правда – так замерли все, затихли, когда я начала раздеваться! – воскликнула она. – Ты просто как в воду глядел!

– Еще бы, – усмехнулся Илья. – Тут на вступительных, знаешь, такие бывают сюжеты… Девки, чтоб приняли, не то что раздеться – что и похлеще готовы сделать, не выходя из аудитории. Ну, а Карталов что сказал?

– Да ничего, – пожала плечами Аля. – Он, знаешь, какой-то странный: вроде нравится ему, а не говорит ничего. Только усмехается в усы да глаза поблескивают.

Они уже вышли из гитисовского дворика, прошли мимо японского посольства и теперь неторопливо шли по привычной дороге, к Никитским воротам.

– Да, он такой, – кивнул Илья. – Ну, а Мирра что-нибудь тебе сказала?

– Мирра только и сказала, – подтвердила Аля. – Она милая такая. Сказала, всем понравилось, как тонко я все продумала… Спасибо тебе!

– Да чего там, у меня работа такая – продумывать. – Илья улыбнулся в усы. – Было бы для кого, тогда и идеи рождаются. Ты торопишься, Алечка?

– Нет, – покачала головой Аля. – Куда торопиться? Завтра, кажется, будет примерно то же, что уже было. У меня отрывок готов, из «Мастера и Маргариты».

– Почему из «Мастера и Маргариты»? – удивился Илья.

– А что, это плохо? – испугалась Аля.

– Да нет, роман-то хороший, но ты… Ты ведь, наверное, Маргариту будешь изображать?

– Ну-у, да… Тот кусок буду читать, в конце, когда она Мастеру говорит про дом, про свечи… Я неправильно выбрала?

– Дело хозяйское, – пожал плечами Илья. – Как тебя, однако, тянет к репертуару Анны Германовой! А мне вот кажется, это не твоя роль – спутницы Мастера, вообще спутницы… Очень уж ты сама по себе. Самодостаточная!

Аля почему-то обиделась на эти слова. Хотя что в них могло быть обидного для будущей актрисы? Наоборот… Но она замолчала.

Вообще-то завтрашний день обещал быть не таким уж простым. Все устали, пройдя через сито отбора, и норовили расслабиться как раз тогда, когда расслабляться было нельзя. Может быть, в этом и состояло коварство комиссии: проверить, насколько готовы будущие актеры к бегу на длинные дистанции и в каком виде они придут на последний конкурс.

Впрочем, Аля всего этого не знала. Она даже удивилась, когда накануне Василиса Прекрасная, которую на самом деле звали Лика, сказала, нервно куря у подоконника в заметно поредевшей толпе абитуриентов:

– Ну вот, теперь на двух стульях не усидишь. Надо решать – или во МХАТ, или сюда.

Лика прошла по три тура одновременно в Щепку, Щуку и Школу-студию МХАТ, но последний конкурс можно было проходить только в одном театральном вузе.

– Ну так выбирай, – сказала Аля. – Неужели не решила еще, где тебе больше нравится?

– Да что – «больше нравится»… – протянула Лика. – Нравится-то, может, и здесь, но там явно намекнули, что дело уже в шляпе. А тут – Карталов такой непредсказуемый… Ничего у него не поймешь! И блата терпеть не может, мама близко боится к ГИТИСу подойти…

Аля, насупившись, шла рядом с Ильей по Тверскому бульвару. Роста она была не маленького – метр семьдесят, – но Илье едва доставала до плеча. Взглянув сверху на ее сердитое лицо, он рассмеялся.

– Ох, Алечка, какая же ты еще маленькая! Да ты хотя бы представляешь, сколько разных оценок своей внешности, способностей, возможностей тебе предстоит услышать? Уши завянут! А ты на первую же коротенькую характеристику обижаешься.

– Извини, – сказала Аля, чувствуя, как у нее от стыда краснеют щеки. – Я вообще-то не обиделась, просто не поняла… Слушай, – спросила она, – а откуда ты все это знаешь? Какая сцена есть для меня в «Закате», почему мне не надо «Мастера и Маргариту» читать… Не в клипах же ты это используешь!

– Да, для клипов наша с тобой Марусенька проблематична, – улыбнулся Илья. – Хотя, между прочим, это мысль. Юбочку снимает, ботинки… Какая-нибудь реклама новой коллекции Славы Зайцева! Но вообще-то я ведь тоже ГИТИС заканчивал когда-то. Режиссерский курс, у твоего Карталова.

– У Карталова? – поразилась Аля. – Почему же ты мне не говорил?

– А зачем? – Илья невозмутимо посмотрел на нее. – Чтобы ты меня попросила с ним поговорить? И я выглядел бы полным идиотом, объясняя тебе, что он этого не любит? Хотя это чистая правда.

– Ну, знаешь, – задохнулась Аля, – если ты так думаешь обо мне…

У нее просто в глазах потемнело! Только что ей казалось, что Илья относится к ней как-то по-особенному, она читала в его глазах какое-то непонятное чувство.

А оказывается, он считает ее просто ловкой девицей, с которой надо держать ухо востро!

– Алечка, извини меня. – Он улыбался, наблюдая ее возмущение. – Извини, милая, я же тебя просто дразню как маленькую, неужели не замечаешь? Ну, нравится старому цинику видеть, как загораются твои чудесные глазки!

– Старому… – Аля невольно улыбнулась, глядя, какую умильную гримасу он скроил и как переливчато сияют при этом его глаза. – Не такой уж ты старый!

– Тебя-то чуть не вдвое постарше, – возразил Илья. – Так что слушайся дядю, малыш, дядя плохому не научит!

Он рассмеялся собственным словам, и Аля вместе с ним. Смех у него был такой же, как голос – глубокий и красивый, без пошлого хихиканья и всхлипов.

– А куда мы идем? – спохватилась Аля.

– Ты же сказала, что не торопишься. Мы с тобой гуляем, разве плохо?

– Хорошо. – Аля вскинула на него глаза. – Мне очень нравится с тобой гулять…

– Мне тоже, – кивнул Илья. – Так что нам ничего не мешает гулять вдвоем сколько вздумается. Я даже специально освободил себе сегодняшний вечер, чтобы совсем уж ничего нам не мешало.

Он сказал это как-то мимоходом, но сердце у Али забилось быстрее – как это и раньше бывало, когда он говорил, что делает что-нибудь ради нее…

Это было так интересно – гулять с ним по Москве! Аля почувствовала себя чуть ли не провинциалкой, хотя всю жизнь прожила в центре. Но раньше ей как-то безразличны были старые улочки и переулки. Может быть, потому что она все время думала о будущем, которое с этими старыми улицами никак не было связано, и ей было не до архитектуры.

Впрочем, Илья и не рассказывал ей об архитектуре Москвы. Он рассказывал о людях, которые жили здесь прежде и живут теперь.

Пройдя какими-то дворами прямо от бульвара, он показал ей дом, в котором жил Мейерхольд.

Потом он показал ей дом Нирнзее с башенкой на крыше, в котором тоже кто только не бывал; от волнения она забыла имена, которые он назвал, все до единого.

Потом они прошли в обратную сторону по Тверской улице и остановились у дома Фадеева, которого, оказывается, хорошо знал отец Ильи.

– Папа тогда, конечно, молодой был совсем, – сказал Илья. – Но помнит его прекрасно. У него вообще память феноменальная, не актерская какая-то: ничего не выбрасывает из головы, и куда только все помещается! Я, помню, в детстве в магазин «Грузия» бегал за конфетами и боялся мимо этой подворотни ходить, – вдруг улыбнулся он. – Мне почему-то казалось, что Фадеев здесь и застрелился, прямо в арке… Очень уж она мрачная!

Але тоже показалось, что Фадеев застрелился в этой подворотне; она даже поежилась от невольной дрожи. Тем более что к вечеру похолодало и ей стало прохладно в счастливом пиджачке-»болеро», под который был надет все тот же топик на тоненьких бретельках.

– Слушай, да ты замерзла! – заметил Илья. – Как это я… Пойдем отогреемся где-нибудь. Хочешь, во мхатовском ресторане поужинаем?

Але все равно было, где ужинать, и ужинать ли вообще. Она хотела только не расставаться с Ильей…

– Наденешь мой пиджак? – предложил он.

– Нет, – улыбнулась Аля. – Я тебе еще майку не вернула, а теперь и пиджак… Совсем тебя раздену!

– Почему ты думаешь, что мне это неприятно? – мимолетно заметил он. – Погоди, я сейчас машину поймаю.

– Не надо, – возразила Аля. – Ведь мхатовский ресторан где-нибудь поблизости, наверное? Да я и не замерзла нисколько, зря тебе показалось. Давай еще пройдемся, а?

– Как хочешь, – согласился Илья. – Но по-моему, ты все-таки замерзла.

С этими словами он обнял ее за плечи – так естественно и ласково, как будто хотел всего лишь согреть. Аля замерла, почувствовав его прикосновение. Тепло его тела сразу охватило ее, хотя он только рукой ее коснулся. Она шла рядом с ним, стараясь попадать в такт его шагам и боясь дышать, чтобы не выдать волнения.

Он тоже шел молча, но дыхание у него было спокойное: Аля чувствовала, как ровно бьется его сердце у ее плеча…

Так они дошли до самого памятника Пушкину. И вдруг, просто в одно мгновение, полил дождь! То есть, может быть, он давно собирался, и даже, кажется, гром погромыхивал вдалеке. Но Аля ничего не замечала. Биение его сердца у ее плеча заглушало далекий гром…

Они промокли в пять секунд: как назло дождь хлынул, как раз когда они стояли посреди Пушкинской площади и ждали зеленого света, чтобы перейти к магазину «Армения» и идти дальше по Тверской. И вход в метро в этом месте был закрыт из-за ремонта; им совершенно некуда было спрятаться!

– Вот это да! – ахнул Илья, охватывая Алю полами пиджака и прижимая к своей груди. – Просто по закону подлости! Смотри, даже светофор сломался.

Машины шли через Тверскую сплошным потоком, светофор, не мигая, смотрел красным глазом. Рядом смеялась застигнутая дождем парочка и сердито матерился пьяный, недовольный тем, что холодный поток воды заставляет его трезветь.

Аля не видела светофора, не слышала пьяного матерка, не чувствовала, как текут по ее лицу холодные струи дождя. Она прижалась щекой к груди Ильи, голова у нее кружилась от запаха его тела и тепла его кожи, которое она чувствовала сквозь тонкую рубашку. Ей хотелось, чтобы дождь лил бесконечно, а зеленый свет не загорался никогда.

Это были странные мгновения; казалось, вся Тверская улица замерла, не успев сообразить, что же делать. Неизвестно, сколько стояли бы Аля с Ильей, тоже не зная, куда бежать, если бы дождь не кончился так же внезапно, как начался. Промыто заиграли огоньки рекламы «Кока-колы» на доме Нирнзее, огни фонарей заблестели в лужах. Толпа снова потекла по улице, как поток свалившейся с неба воды.

Илья на мгновение разжал объятия, и Аля отпрянула от него, как будто боялась, что он сам ее оттолкнет. Но он только заглянул в ее мокрое лицо – и тут же снова привлек к себе.

– Теперь уж точно замерзла, – произнес он дрогнувшим голосом. – Волосы мокрые, щеки холодные…

Усы у него тоже были мокрые: Аля почувствовала это, когда он прикоснулся губами к ее щеке, к уголку губ…

Они перешли наконец дорогу и, все убыстряя шаг, почти побежали вниз по Тверской. Аля не спрашивала, куда они идут.

Не дойдя до памятника Юрию Долгорукому, они свернули налево, в переулок, круто спускающийся к Большой Дмитровке.

– Вот и еще один экскурсионный объект, – сказал Илья прежним, спокойным голосом. – Дом МХАТа, весь в мемориальных досках. Я на них, правда, еще не обозначен, но имею честь здесь проживать. Зайдем, Алечка, нельзя же мокрыми в ресторан идти.

Глава 8

Едва они вышли из лифта, за дверью квартиры раздался звонкий лай.

– Твои родители дома? – спросила Аля.

Она впервые подумала об этом, да и то как-то мимоходом, без смущения.

– Думаешь, это они лают? – засмеялся Илья. – Нет, это Моська. Мы с ней вдвоем здесь обитаем.

Моська, встретившая их на пороге, оказалась небольшой симпатичной собачкой, белой в коричневых и рыжих пятнах. Она радостно запрыгала вокруг Ильи, умудрилась даже допрыгнуть до его лица и лизнуть в щеку. Потом обнюхала и Алю, лизнула в ладонь.

В детстве Аля любила собак, и ей до слез было жаль, что общее собрание коммуналки раз и навсегда постановило никакого зверья в квартире не держать. А потом любовь к собакам как-то забылась, и на новой квартире заводить их тоже не стали.

– Милая какая! – сказала она. – Это дворняжка?

– Да нет, даже наоборот, – ответил Илья. – Моська у нас редчайшая, в Москве всего одна такая.

– Надо же! – удивилась Аля. – А на вид – чистая дворняжка. Симпатичная…

– В этом весь кайф, – усмехнулся Илья. – На вид дворняжка, со всем ее беспородным очарованием, а на самом деле – гладкошерстный английский фокстерьер. Самая деликатная порода, врожденно интеллигентная. У королевы Елизаветы такая, – добавил он. – Отцу подарили, когда он в Англии на гастролях был. Она у нас вообще-то старушка уже. – Он ласково почесал Моську за ушами, похлопал по спине. – Мосенька, у-у-у, собаченька, знать, она сильна…

Появление Моськи помогло Але немного прийти в себя. Несколько минут назад, входя вслед за Ильей в подъезд, она чувствовала себя как во сне. Голова у нее кружилась, звонкие молоточки стучали в висках, и ноги подкашивались, когда она поднималась по лестнице к лифту.

Она не знала, как поднять на Илью глаза.

Теперь же, когда они стояли в небольшой прихожей и Моська доброжелательно обнюхивала Алю, ей показалось, что стесняться нечего. Все будет так же просто и мило, как появление этой смешной собачонки. Может быть, Илья предложит ей чаю или что-нибудь покрепче «для сугреву», она переоденется в ванной в его старые джинсы…

Она сняла мокрые туфли, положила сумочку на подзеркальник. Моська ушла куда-то в глубь квартиры. Илья с Алей стояли в прихожей, в полушаге друг от друга.

– Как я тебя хочу – у меня голова кругом идет, – произнес он незнакомым, охрипшим голосом. – Что толку притворяться? Не бойся меня…

Эти слова могли бы показаться грубыми и в самом деле пугающими, если бы произнес их не он. Но в его глазах стояло такое неудержимое желание, такая прямая сила чувствовалась в его руках, когда он обнял Алю, что было уже все равно – что именно он сказал.

Он сказал то, что чувствовал сам и что чувствовала она, – и действительно не было смысла притворяться.

Они шли по коридору медленно, не отрываясь друг от друга. По дороге Илья включал свет, но неяркий, скорее полусвет, в котором все приобретало волнующе-расплывчатые очертания. Даже паркет казался таинственной темной рекой.

Да Аля и не видела ничего, кроме его лица. Золотились усы над изогнутыми, полуоткрывшимися губами, блики плясали в прозрачных глазах, усиливая ощущение трепетной страсти, которой было пронизано все его тело.

Посередине комнаты лежал ковер; Аля остановилась, почувствовав, как ступни утонули в мягком ворсе. Илья опустился на колени, обнял ее ноги.

– Какая же ты красивая, – выдохнул он. – Я к рукаву твоему случайно прикасаюсь – и как представлю, что под ним твоя кожа, все твое тело… В глазах темнеет! Разденься, прошу тебя, разденься передо мной, дай мне тебя наконец увидеть…

Он только просил ее раздеться, но голос его, и без того глубокий, с каждым словом набирал такую силу, которой невозможно было противиться. Да она и не хотела противиться. Наоборот, она чувствовала, какое это счастье – раздеваться, чувствуя на себе его взгляд, ей хотелось испытать это счастье, утонуть, раствориться в его взгляде.

Илья отпустил ее колени, чуть откинулся назад и присел на пятки, глядя на Алю снизу вверх.

– Не бойся меня, – повторил он. – Ну же, не бойся, моя Марусенька…

Аля расстегнула пуговки на «болеро», стянула сначала один, потом другой узкий рукав. Второй рукав застрял на локте, и она дернула его со страстным нетерпением. Пиджачок упал к ее ногам на ковер, обнажая плечи. Они всегда казались Але слишком острыми, непривлекательными, но сейчас она совершенно не думала об этом. Она чувствовала, что все ее тело отвечает его страсти, и какая разница, как выглядят плечи, руки, если они переполнены им, тянутся к нему?.. Он почувствует…

Лифчик под топиком был ажурный, черный и без бретелек. Аля вообще не собиралась его надевать: отсутствие лифчика на ней могло быть и незаметно. Но все-таки надела, и теперь расстегнула его, обнажая маленькую, упругую грудь, и почувствовала, как вздрогнул Илья, увидев ее.

– Чудо какое… – прошептал он. – В жизни я такой красоты не видал…

Она не чувствовала ни капли стеснения. Какое могло быть стеснение в этих волнах, которые накатывались на нее из его глаз? Он любил ее взглядом, только теперь Аля поняла, что это такое. Она расстегнула «молнию» на черных брюках, они соскользнули на пол от одного легкого движения ее бедер, и Аля помедлила мгновение перед последним движением…

Когда она остановилась перед ним, совершенно обнаженная, глядя счастливыми и туманящимися глазами, Илья снова качнулся к ней, спрятал лицо у нее в коленях. Руки его обхватили ее талию, скользнули вниз по бедрам, лаская и горяча.

– Спасибо тебе… – произнес он с той хрипловатой нежностью в голосе, от которой у Али замирало сердце. – Каждым движением ты мне душу и тело переворачиваешь… А меня… Милая, меня ты разденешь? – Он поднял на нее глаза, в которых горело любовное нетерпение. – Прошу тебя, совсем хорошо мне будет…

Наклонившись и не произнося ни слова, Аля расстегнула пуговки на его рубашке до самого живота, а потом, присев рядом с ним, поцеловала его грудь, темные, напрягшиеся соски в густых волосах, расстегнула пуговки дальше, дальше скользнули ее губы…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/berseneva_anna/stil-naya-zhizn

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить